

А. Казимиров

БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО

Александр Казимиров

Бульварное чтение

<https://litres.ru/74679884>

SelfPub; 2026

Аннотация

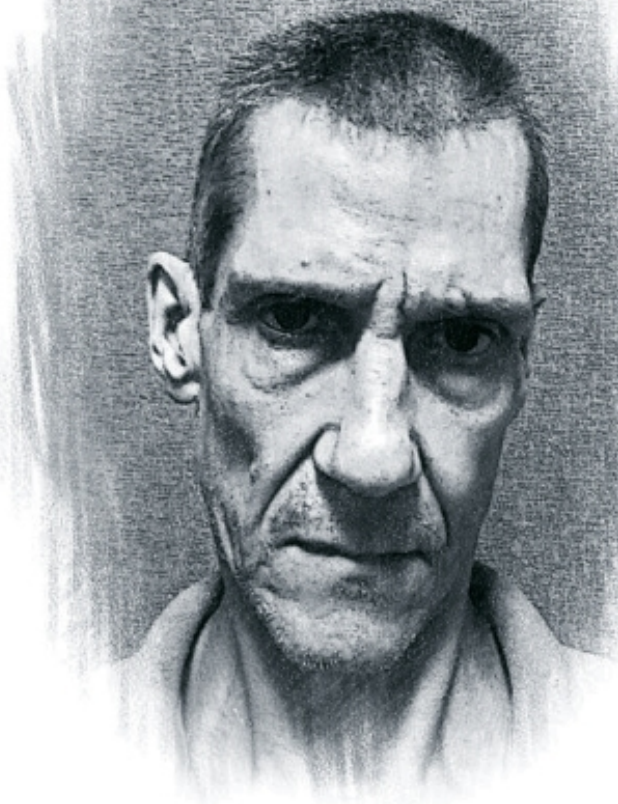
В книге рассказывается о случаях, действительно происходивших в жизни. То есть: всё основано на реальных событиях. В текстах присутствуют юмор, криминал и любовь.

Отличный образец, сочетающий в себе необычную пропорцию чувственности, реалистичности. Динамичный и живой язык повествования с невероятной скоростью приводит к финалу и удивляет непредсказуемой развязкой.

Александр Казимиров

Бульварное чтение

А. КАЗИМИРОВ

Бульварное чтиво

ЕКАТЕРИНБУРГ

«ИЗДАТЕЛЬСКИЕ РЕШЕНИЯ»

_____ 2010 _____

УДК 82-3

ББК 84-4

К-14

Казимиров Александр

К-14 Бульварное чтиво: Повести и рассказы/Александр

Казимиров

Издательство: Издательские решения, 2010 — 370 стр.

ISBN 978-5-0050-4632-1

Стою, курю, рисую дымом бессмысленные фразы. Из-за кустов выглядывает тощая дворняга. Поджав хвост, следит за мной слезящимися глазами. Кажется, она узнала во мне родственную душу и не знает, чем помочь. Горько усме-

хаюсь. Пошарив в кармане, достаю конфету и протягиваю ее на ладони. Дворняга шарахается, но потом смелеет, боком крадется ко мне и кусает за руку! Сука! Конфета падает на асфальт, собака исчезает. Ошарашенный пaskудством, смотрю, как на ботинки капает кровь. Кругом сволочизм, во всех слоях. Раньше это было явление, теперь — образ жизни!

УДК 82-3

ББК 84-4

В соответствии с ФЗ от 29.12. 2010 № 436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-4632-1 © Александр Казимиров, 2010

Подари мне лунный камень

Над городом нависало декабрьское небо. Мутным пятном на нем расплзлось потерявшее очертания солнце. Создавалось впечатление, что оно хотело сбежать и лишь ожидало подходящего момента. Все вымерло. Вытяжные трубы пускали жидкий дымок, и улица некоторое время оставалась безлюдной.

Наконец хлопнула входная дверь, выпустив на свободу облако пара. В его клубках просматривался силуэт женской фигуры, на ходу запахивающий пальто. То подгоняемая недовольным супругом домохозяйка рванула за хлебом. Забыв о гололеде, она поскользнулась. Восторженно завизжала навьюченная школьными ранцами детвора.

Незаметно день клонился к вечеру, сгущались сумерки. В домах вспыхивали окна. На улицах появился возвращающийся с работы народ. Лампадками зажигались фонари. Вокруг них мошкаррой вились незаметные доселе снежинки. Днем их было не видно, или на них просто не обращали внимания. Вот и — ночь! Спрятались за тучками-невидимками звезды, прихватив с собой рогатого ухажера. Кстати, об ухажерах...

На первом этаже дома № 5, что по улице «Пионеров-героев», проживал некий дядя Лева. Дядей его назвать можно было с натяжкой, так как ему давно стукнуло восемьде-

сят с гаком. Но, судя по числу старух, навещавших его, он пребывал еще в самом соку. Старушки менялись часто, и так же часто между ними вспыхивали ссоры, доходящие до рукоприкладства. Вы когда-нибудь видели дерущихся старушек? Нет? О, вы много потеряли! Весьма занимательное представление! Битва начиналась со словесных перепалок. Добропорядочные с виду бабульки вдруг начинали обзывать друг друга репрезентами древнейшей профессии в простонародном варианте, проשמандовками и всякими другими мерзкими словами. Доведя себя до кондиции, они бросались врукопашную. Агрессии старух могли бы позавидовать обожавшиеся мухоморами викинги или хладнокровные самураи. Оренбургские платки сползали на разруганные морозом лица, трескали цигейковые воротники, в больных ногах просыпалась подвижность, и старушки демонстрировали приемы карате. Пинали, если честно, не слишком высоко и весьма неумело. После удара бабушки-ниндзя не могли удержаться на ногах, и борьба переходила в партер. За соревнованием из-за шторы следил главный приз — дядя Лева. Ему льстило повышенное внимание слабого пола. Нервно жуя папиросу, он крутил в пальцах спичечный коробок и недовольно покачивал головой. Кажется, что некоторые удары дерущихся расстраивали его: он бы врезал не так и врезал бы посильнее. Но что об этом говорить, дрался-то не он! Бабушки к тому времени глубоко дышали, зарывшись в сугроб. Как из лопнувших труб, из перекошенных ртов вырывался

пар. Случайные прохожие помогали соперницам подняться, и те расходились по домам, на ходу посылая неизвестно кому проклятия: то ли дяде Леве, то ли конкурентке.

Выждав момент, в подъезд кошкой юркнула третья «ку-колка», следившая за битвой из-за угла. Сегодня ее день! Сейчас они попьют с Левой чаю, снимут бесполезные челюсти, дабы не загрызть друг друга в порыве страсти или не подавиться ими в момент поцелуев, и приступят к изощренным ласкам. О, Боги, знали бы вы, на что способны списанные со счетов пенсионеры! Никакая камасутра не может поспорить с эквилибристикой на ветхозаветном диване — скрипучем ложе с неоднократно подмоченной репутацией. Нет, диван великолепно справлялся с возложенной на него функцией. Он замечательно пружинил: остался еще порох в пороховницах; протяжно и эротично скрипел, добавляя соитию толику юношеской романтики. Репутацию ему подмачивало ночное недержание хозяина. Пометив территорию, дядя Лева сушил диван утюгом, отчего квартиру заполнял аромат печеных яблок. Старик распахивал форточку. Сквозняк выветривал компрометирующие хозяина запахи, но легкий душок всё же оставался. За долгие годы он впитался в обои и никак не хотел улетучиваться. Но это сущая ерунда! Квартиру вновь ждал фестиваль разврата!

Иногда случались накладки. При встрече с поклонницами у ловеласа отшибало память, и дверь оставалась не запертой. В самый пикантный момент в квартиру могла ворваться

нежданная гостья. Дядя Лева категорически возражал против шведского

уклада, он придерживался традиционных взглядов, но на дальнейшее развитие событий повлиять не мог. Выяснение отношений происходило прямо в колыбели любви. Дядя Лева мог бы рыкнуть и погасить конфликт в зародыше, но он же не тэйсинтай! Дряхлый обольститель боялся, что ему повредят внешность. Так он и отсиживался на кухне, проклиная свою забывчивость. Обычно, изнуренная любовными играми бабка не оказывала достойного сопротивления. Пospешно натянув штопаные рейтузы, она накидывала на разгоряченное тело шубейку и выскакивала из квартиры: дряхлая калоша получила свою порцию счастья, и обида не особо терзала ее. Зато дяде Леве приходилось несладко! Мало того, что сил на второй заход не оставалось, приходилось выслушивать унижительные тирады о неверности и риске подцепить гонорею. Пристыженный лев слушал, потупив взгляд и накручивая на палец бакенбарды, присосавшиеся к лысому с пигментными пятнами черепу.

Кстати о бакенбардах! Бакенбарды являлись гордостью пережившего армию врагов и всех дружков витязя. Напращивалось сравнение: витязя в тигровой шкуре, но, кроме черных сатиновых трусов, у дяди Левы ничего не было, даже приличного трикотажного костюма. Висели в шифоньере какие-то полинявшие рубашки и по многу лет нестиранные брюки... Однако вернемся к гордости! Каждое утро истерзанный любовными баталиями, но еще могучий лев вни-

мательно рассматривал в зеркало бакенбарды а-ля Франц Иосиф, смачивал их специальным раствором и взбивал массажной расческой. Через час или полтора они обвисали, но ухаживать за ними постоянно старик ленился. Так до вечера и колосились желтоватые, под цвет лица, заросли волос от висков до складок вокруг массивного подбородка. Дополняли мужественный портрет густые брови и буйная растительность, торчащая из ушей и носа. Все это придавало престарелому донжуану брутальности или своеобразного шарма, к тому же дарило бурные фантазии львицам из его прайда. Ошметки некогда пышной гривы им снились ночами, проникали в самые сокровенные места и щекотали эрогенные зоны. Зачем и как они туда проникали, я не имею понятия, об этом надо спросить у хозяек чудных сновидений. Поговаривали, что одна бабуля из его гарема умирая во сне, шептала искусанными губами: «Левушка, Лева...» Проснувшиеся родственники пытались привести ее в чувство, но тщетно. Бедняжка покинула грешный мир, утонув в омуте эротических грез.

Дядя Лева вел богемный образ жизни в прямом значении этого слова. В его квартире господствовал бардак; в самых неподходящих местах можно было обнаружить самые неожиданные вещи. Однажды в холодильнике он нашел бюстгальтер с изрядно потертыми бретельками. Судя по размеру, хозяйка имела грудь больше, чем у Памелы Андерсон или Саманты Фокс. В хрустальной вазе, утратившей за

многие годы блеск, прятались использованные презервативы. Дядя Лева очень боялся, что кто-нибудь из его старух «залетит». Дело в том, что в городе одна бабка родила в 65 лет нормального, без всяких отклонений ребенка. «А вдруг? — размышлял дядя Лева. — Начнут шантажировать, разговоры пойдут. На кой черт мне лишние проблемы?» Ваза стояла на журнальном столе в изголовье дивана, а дяде Лева не всегда хотелось бежать к мусорному ведру после испытанного наслаждения. Презервативы бросались в хрустальное великолепие, да так и оставались в нём на неопределенное время. А уж сколько по некогда сверкающим стенкам было размазано наследников — одному Богу известно.

Кроме скрипучего, с побитой на углах обшивкой, дивана у дяди Левы имелся проигрыватель и запиленная пластинка. С ней были связаны какие-то воспоминания, которые он не мог вспомнить. Оставаясь один, он ставил ее и прибавлял звук. «Отыщи мне лунный камень, талисман моей любви...» — клянчил проигрыватель; дядя Лева сидел с закрытыми глазами, интерес к внешнему миру и даже к обожаемым старухам отходили на второй план: по забитым холестериновыми бляшками извилинам разгуливали образы Джинны Лоллобриджиты, Софии Лорен и почему-то Рудольфа Нуриева. Может быть, он хотел быть подвижным и стройным, как этот «летучий татарин», а может... даже страшно представить, что может скрываться под этим «а может». Также ему виделись пальмы, море и гигантская яхта с алыми паруса-

ми. Дяде Леве, вообще, много чего виделось. Кажется, у него проявлялись первые симптомы маразма. «Подари мне лунный камень...» — продолжал канючить динамик, но лунные камни дяде Леве были ни к чему, у него своих хватало. Они находились везде: в почках, в поджелудочной железе и даже, по мнению дяди Левы, в одном из полушарий мозга. Появился он там после микроинсульта, произошедшего несколько лет назад. Дядя Лева требовал сделать томограмму, желая выявить месторасположение камня. На все увещевания врачей, что в голове камней быть не может, он раздраженно отмахивался, считая медиков «сачками», мечтавшими сократить годы его бесценной жизни.

Ближе к новогодним торжествам настроение дяди Левы испортилось окончательно, и на то имелись веские основания: члены его кружка или, вернее, кружки его члена мечтали отметить торжество в обществе своего кумира. Он даже подумывал уехать из города или снять номер в гостинице. Сами прикиньте: сколько ему пришлось бы выслушать гадостей! Ведь дядя Лева, как приличный человек, всем своим пассиям клялся в любви. Он допускал, что «снегурочки» первое время вели бы себя в рамках приличия, не буянили, не кидали косых взглядов, а мирно сидели у ёлочки и вязали ему носки. Но ведь это не могло продолжаться бесконечно! Много ли надо змеям, чтобы выпустить жало? Граммов сто или двести?! О-о-о!!! В таком окружении рехнется самый крепкий мыслитель, не то что человек с булыжником в

мозгах.

В общем, дядя Лева решил исчезнуть! Никого не предупредив, он тридцатого числа вышел из подъезда. Часы показывали около восьми утра, и встреча с кем-либо из поклонниц представлялась маловероятной. Небо над городом начинало светлеть, но уличные фонари еще не погасли. В их мутном свете снег выглядел неестественно голубым. Глубоко вздохнув, дядя Лева сошел с порога на запорошенный тротуар под окна дома. «Тепло нынче, однако!» — подумал он и задрал голову, будто пытался рассмотреть, откуда исходит тепло. Он так и замер с открытым ртом. Надо сказать, дядя Лева никогда без работы не сидел: каждое утро, набросив на плечи вельветовую курточку, он долбил ломом тротуары около дома, отчищая их от наледи. Дури у него на это занятие хватало, а вот свисающие могучие ледяные глыбы сбить не мог — не дотягивался до крыши. Метать же пудовую «стрелу» дворнику-купидону не хватало мощи. Ну, бросил бы он свою железяку... она возьми, да не долети! Вместо сосульки разбила бы чье-нибудь окно, или того хуже — нежную душу хозяйки пострадавшей квартиры. Ублажай её потом. Хотя на деле

дядю Леву подкармливали бабки: без собственноручно приготовленных гостинцев никто к нему в постель не прыгал. В общем, так и висели на шиферных козырьках сталактиты из замерзшей воды.

Огромная ледяная глыба сорвалась с карниза и рухнула вниз. Подобно киллеру она безупречно справилась с возложенной на неё задачей.

В новогоднюю ночь в квартире дяди Левы эротично потрескивали свечи. В их зыбком свете бывшие претендентки на руку и сердце выглядели каменными идолами с острова Пасхи. Гроб еще не привезли. Хозяин квартиры по-барски развалился перед гостями на табуретках, выстроенных в ряд, и упивался скорбной тишиной. Казалось, что деревянная сколопендра под ним вот-вот зашевелит многочисленными лапками и утащит покорителя нитроглицериновых сердец в квартал красных фонарей. Но она стояла на месте и не собиралась покидать общество застывших старух. В полумраке не было видно, кто поставил пластинку. Ровно в полночь заиграла музыка. Радиола как никогда душевно запела: «Отыщи мне лунный камень, талисман моей любви...» Это был своего рода свадебный марш: дядя Лева раз и навсегда обвенчался со смертью, показав кукиш одуроченным подружкам.

Дорога дальняя

Завод пыжился, надрывно кашлял, задышался от загоняемого в трубопровод газа. Газ усиленно сопротивлялся; все вокруг свистело, пыхтело и норовило взорваться. Наша бригада тянула лямку в компрессорном цехе: производила техосмотры, капитальный и текущий ремонт раскаленных, замасленных компрессоров. Любая железяка, из груды которых состояло механическое чудовище, весила от пуда до нескольких тонн. Нормальные люди в бригаду не устраивались, обычно приходили по направлению из милиции недавно освободившиеся зэки. Были, конечно, и несудимые, но в меньшинстве. Бригада жила по понятиям. На заводе, за наглость в столовой, где мы не считались с очередью, в душевой, где все мыло уходило на нас, и в курилке, где урки затыкали рот любому, нас именовали «дурбригадой». Коллектив постоянно обновлялся: одних заново сажали, других заново присылало ГОВД. Грязные как черти мы до седьмого пота затягивали гайки, меняли поршни и цилиндры на допотопных машинах. Те капризничали и регулярно выходили из строя. Филонить было некогда. К концу рабочего дня сил

хватало, чтобы смыть мазут с сажей и на бригадном ПАЗике свалить с проклятого богом места.

Каждый из нас мечтал о командировке. На то имелись веские основания. Во-первых, хорошо платили, во-вторых, хотелось отдохнуть от семейной жизни и побухать без домашних скандалов. Командировки выпадали редко, и за счастье погорбатиться в соседнем регионе шла конкурентная борьба. В конце ноября на планерке Пётр Яковлевич, наш начальник, долго молчал, тер лоб, и не мог собраться с мыслями. Наконец он сгреб их в кучу и сделал колоссальное заявление:

— Мужики, нас переводят на вахтовый метод. Разобьемся на две группы и будем попеременно мотаться на север, строить Губкинский газоперерабатывающий завод. Вернее, устанавливать и запускать турбинные газокompрессоры. Тот, кто не хочет, может написать заявление и перевестись к заводским слесарям.

Забыл сказать, что наша шарага находилась в Башкирии и ежегодно заключала трудовой договор с заводом, где мы рвали жилы. И вот свершилось чудо: контора достигла соглашения с Западной Сибирью! Минуту стояла тишина, после чего все оживились и принялись строить планы на будущее. Несколько человек отсееялось, но основной коллектив приготовился штурмовать медвежьи углы. Вопросы с новым трудоустройством утрясли махом.

— Ребята, есть одна просьба, — выдавил Петр Яковлевич. — Обязательно возьмите картошку, сало, лук. Мало ли, что

там и как. Приедем, обживемся и будем летать налегке.

Но лететь не пришлось. Первая «ходка» была на поезде. В указанное время я дотащился до вокзала и поразился своей наивности. Мешок картошки на плечах и здоровенный баул с продуктами, верблужьим горбом приросший к спине, превратили меня во вьючное животное. В руке я держал чемодан со шмотками и необходимыми вещами. Вся бригада ехала туристами, с небольшими рюкзачками и спортивными сумками.

Дорога занимала трое суток и, чтобы скоротать время, Миша Вишняков предложил скинуться и выпить. Возражений не последовало. Сбросились по червонцу — и вагон потихонечку ожил! Вернее, ожили мы, а те, кто ехал рядом — взгрустнули. От природы губы Вишнякова были вытянуты вперед. Толстые и влажные, несколько заостренные, они напоминали утиный клюв. В поддатом состоянии губы вытянулись сильнее, будто хотели всех засосать. После третьего стакана Вишнякова неожиданно ранил Купидон, и тот стал добиваться свидания в тамбуре с девушкой из соседнего плацкарта. Сексуальной революции не случилось — Вишнякову не хватило галантности. Но он не успокоился, и скоро весь вагон с замиранием следил, как пьяный слесарь ищет единственную и неповторимую, которую полюбит сразу и при всех. Пока сердцеед добивался нежности и ласки, Петр Яковлевич рассказал нам историю шрама на руке. Шрам был внушительный. Изрядно подвыпившие мужики делали вид,

что слушают.

— Заняли, короче, нас фашисты, а я шустрый был пацан, — негромко, но уверенно рассказывал начальник. — Навел мосты с партизанами, сообщал им дислокацию немецких войск в районе. Фашисты тоже не дураки были, вычислили меня. Не оставалось ничего, как бежать к своим на другой берег Днепра. Ночью привязал малолетнюю сестру к бревну, толкнул в воду и, держась за него одной рукой, поплыл. Фашисты прожекторами прощупывали Днепр, нас сразу обнаружили — и как давай бомбить! Шрам этот, ребята, от немецкого осколка.

Петр Яковлевич всплакнул — «сыворотка правды» вызвала передозировку чувств, но мы об этом не догадывались. Выпили за шрам, за успешную работу, а потом наш дружный коллектив решили высадить на первой же станции: соседи по вагону попались неуживчивые. Кому-то мешал громкий разговор, кого-то раздражал любвеобильный Вишняков, а кто-то презирал слесарей — есть такие сволочи в нашем обществе! Дело решила хрустящая купюра с ликом Ильича, торжественно врученная проводнику. Все-таки Ленин великий человек! Даже в нарисованном виде он способен разжечь пламя восстания или загасить его в считанные секунды. Наш вояж продолжился.

Утром ко мне подсел Коля Базаров.

— Вчера долго заснуть не мог, все прикидывал: сколько было лет Петру Яковлевичу, когда он форсировал Днепр. По моим подсчетам — около двух!

Мы договорились держать компрометирующие начальника сведения в тайне, дабы не подрывать его авторитет. С утра бригада снова квасила под монотонный стук колес, поезд мчался, закусив удила. За окном мелькали заснеженные поля с брошенной ржавой техникой, кособокие деревни и вереницы погостов. Дорога казалась муторной и бесконечной.

— А что у вас с рукой, Петр Яковлевич? — словно забыв вчерашнюю историю, поинтересовался Базаров.

— А что с рукой? — вопросом на вопрос ответил изрядно осоловевший начальник. — А-а-а, ты про шрам что ли?! Так я его заработал, когда ловил расхитителей колхозного зерна. Время после войны было голодное, каждый колосок на учете. В уборочную на дороге выставляли патруль, чтобы ни один колосок не ушел налево. Сижу, значит, я в засаде, вдруг вижу, мчится по дороге упряжка. А на телеге мешки с зерном! Выскочил я из кустов, «Стой — кричу, — жулье поганое!» — меня оглоблей и зацепило. Кровь так и брызнула, а я хватъ коней под уздцы и держу. Старшие товарищи в это время мазурикам руки крутили. Наградили нас потом грамотами и часами именными.

У Петра Яковлевича подшофе фантазии рвались за горизонт воображения, и абсолютно пропадала память. Пропадала и плохо восстанавливалась. Случались реминисценции, но кратковременные и искаженные. Доведя себя до комфортного состояния, он выдавал новую версию происхождения шрама. Мы внимательно слушали, интересовались деталями, а потом, когда он отлучался по нужде, хохотали, обсуждая его вранье.

Экстремальное путешествие близилось к концу. Изнуренные пьянкой и плохо соображающие мы вывалились из вагона. Нас уже поджидал присланный заводоуправлением автобус до Муравленко. Жажда терзала настолько сильно, что я тайком лизал обледенелое стекло и прижимался к нему лбом. По дороге выяснилось, что жить мы будем не в самом

Муравленко, а в поселке Сутурьма, вблизи от завода. Сутурьма встретила нас сугробами в человеческий рост, длинными бараками, по крышу утонувшими в снегу, и полным отсутствием жизни. Даже собак не было видно. Комендант поселка Фая, татарочка, плохо говорившая по-русски, оформила нас и проводила до сарая с окнами.

Вот это акварель! Такого убожества я не видел даже в лагере! Молочные гипсокартонные стены, не обклеенные обоями, производили удручающее впечатление. Двери комнат выглядели еще хуже. Когда мы шли по коридору, одна дверь приоткрылась. Из нее выглянуло обросшее, распухшее лицо в очках с разбитыми стеклами. «Геолог!» — подумал я. «Геолог» проводил нас печальным взглядом, дверь за ним со скрипом затворилась. Расстелив полученные у коменданта матрасы, мы стали обустраиваться. Геша Крестовников повесил над кроватью вязаную, надушенную кофточку. На вопросительные взгляды он ответил:

— Жена дала, чтобы не забывал о семье.

На тумбочку Геша поставил фотографию детей. Они улыбались и махали пухлыми ручками, будто хотели ободрить трудолюбивого папку: «Не дрейфь, мы с тобой!»

— Лучше бы сорочку ночную повесил. Тогда память о жене терзала бы тебя ежесекундно! — пошутил над коллегой Базаров.

Петр Яковлевич не обращал внимания на болтовню. Он задернул ярко-желтые шторы, оставленные предшественни-

ками, и предался раздумьям. А затем предложил обмыть приезд. В сельпо послали меня и Вовку Жукова.

Магазинчик стоял на отшибе, протоптанная узкая тропа среди двухметровых сугробов не давала сбиться с пути. Нас встретила продавщица в фуфайке, с горжеткой из посеребрившегося бинта. На бейджике я прочел: «Продавец Тамара Пьянкова». С такой звучной фамилией надо работать в медвытрезвителе или бандершей в шалмане.

— Новенькие? — поинтересовалась она голосом Никиты Джигурды. — Что брать будете? Есть зубной эликсир, «Лесная вода» и «Шипр». Другого алкоголя нет. На территории поселка — сухой закон. Если хотите водки, то — в соседний барак к дагестанцам, у них по тридцатнику за пузырь возьмете.

Жуков врубил в голове калькулятор и стал советоваться с Тамарой, что лучше. Та хрипло кашляла и перечисляла достоинства того или иного напитка. В бараке мы выложили на стол две упаковки «Лесной воды», упаковку зубного эликсира с запахом мяты, и несколько пузырьков «Шипра». Петр Яковлевич грустно взглянул на нас и вяло потер ладони. Геша в ведре варил картошку, Коля резал сало и лук, Вишняков задумчиво кусал губы. Не успели сесть за стол, как к нам заглянул «геолог». Его увертюра поразила всех лаконичностью:

— Ебята, въежем за знакомство! — глотая букву «р», предложил он. — Боис, можно пхосто — Боя. — Он пооче-

редно пожал всем руки и сел за стол, вернее за дверь, уложенную на табуретки; осмотрел закуску и покачал головой. — Вы тут всю тайгу заблюете. Пахфюм надо сахаом закусывать, а не кахтошкой с салом.

Боря полез в карман и высыпал на импровизированный стол кубики рафинада, облепленные табаком. Он оказался прав! Сахар лучше всего глушил аромат и ядреный вкус экзотических напитков. В ходе застолья выяснилось, что с работы Боря выгнали за пьянство, что он находится на нелегальном положении, и с радостью махнул бы домой, но на билет нужны деньги. А где их взять, если вокруг тайга? Уже полгода «геолог» перебивался на чужих хлебах. Он мог неделю обойтись без пищи, но с ежедневным приемом спиртосодержащей жидкости завязать не мог.

Зубной эликсир как-то по особенному действовал на Вишнякова. Он, видимо, вспомнил детдом, армейскую службу и что-то еще негативное, возможно, неудачи в амурных делах. Все внимание он переключил на распятый Гешей фетиш; схватил нож и стал метать его в семейную реликвию, норовя попасть в самое сердце. Крестовников сперва будто ополоумел, устроил пляски

святого Вита, но быстро сообразил, что на месте кофты может оказаться сам. Он сник и с горечью наблюдал за кошуном. Чингачгук из Вишнякова был никудышный, гипсокартонная стена с пренебрежением отшвыривала нож. Однако Карфаген пал! Кофта потеряла харизму и выглядела довольно жалко. В дальнейшем она стала играть роль половой тряпки. Надо признаться, полы ей так и не мыли — не было нужды: зима, снег. Лужи от обуви самостоятельно испарялись, оставляя белесые разводы, но грязи-то не было!

В морозной дымке мы вяло махали руками и подпрыгивали, пытаясь не околеть. С похмелья подташнивало, движения вызывали боль в голове. Рядом с нами на автобусной площадке толкались бородатые вахтовики, такие же помятые и неухоженные. Подкатил «Экарус», под завязку набитый конторской шушерой. От нашего ароматного дыхания у женщин выступали слезы. Всем в автобусе, включая шофера, стало ясно, что прибыли стахановцы. «Наконец-то парфюмеры всех стран объединились!» — поделился соображениями какой-то остряк. Дорога заняла не более десяти минут. Первым делом мы отметились в заводууправлении, вторым — выбили себе кондейку в вагончике на отшибе, возле частокола чахоточных сосен. После обеда Крестовникова скрутило.

— Я махом! — Он схватился за брюхо. — Туда и обратно! Его не было долго. Когда мы шли к турбинному блоку, на-

встречу, с закрытыми глазами, двигался Геша. Вытянув вперед руки, он будто играл в жмурки и походил на гоголевского Вия. «Поднимите мне веки!» — казалось, попросит он, но он не попросил. Крестовников обвел нас ополоумевшим взглядом.

— Я это, не могу... Вы как-нибудь без меня... — аппетитно отрыгнул «Лесной водой» Геша и направился к коптерке.

Не сказать, что от нас требовали невозможного. На заводе господствовал хаос, никто не знал, кто и кем управляет. Нас бросали с одного участка на другой. Мы быстро насобачились спать под турбиной в обнимку с гаечными ключами. Однажды нашу бригаду отправили на склад перебирать задвижки и смазывать сальники. За спинами щелкнул ключ — заперли, чтобы мы не вынесли «музейные ценности» с заваленных ими складских полок. В государстве с богатой криминальной историей — иначе нельзя! Осмотревшись, я и Жуков бросились потрошить многочисленные ящики с иностранными ярлыками. Нашему примеру последовали и остальные. Каждому досталось по финскому смесителю и душевому шлангу с лейкой. Сантехника предназначалась для строящихся в городе коттеджей — двухэтажных барачков со всеми удобствами.

Вечерами, от безделья и скуки, мы пили эликсир. Запасы картошки и сала закончились, сахара — тоже, мы голодали. Вишняков экспериментировал с луком. Сначала он ел его сырым, потом варил, потом жарил. Как-то Петр Яковлевич

с отвращением посмотрел на сморщенное Мишино лицо и ударил кулаком по столу. Испуганно подпрыгнули кружки, в стеклянной банке вздрогнули ложки.

— Все, пора завязывать! Так жить нельзя — в животных превращаемся. Гляньте на Вишнякова, это же не человек, это... это... — Он не нашел подходящего слова, поднялся и маятником заболтался по комнате. Повисла тишина, обстановка удручала и не предвещала ничего хорошего. Мы ждали разгрома.

— Жуков, ты же интеллектual, у тебя вечерняя школа за плечами! Почему я должен всегда подсказывать? Завтра же, прямо с утра, займись изготовлением самогонного аппарата, — раздраженно сказал он. — Одеколон можно водой разбавить и перегнать! Должно получиться!

Напряжение спало. Облегченный вздох растаял в клубах табачного дыма. На другой день бригада занялась конструированием агрегата, а начальник умчался отбивать депешу насчет аванса.

Мы с замиранием сердца смотрели, как из змеевика, обложенного льдом, в банку капает идеально прозрачная жидкость. Нагнав литра три, мы пропустили её через «Родничок». Ни одна ведьма не смогла бы сварить подобное зелье! Запашок, конечно, присутствовал, но слабый, еле уловимый. А какими были вкус и градус! От такого нектара не отказался бы сам Господь! С появлением самогонного аппарата жизнь радикально изменилась, обрюзглые лица приобрели здоро-

вый цвет, а «геолог» перебрался к нам. Чтобы он не скучал, пока мы несем трудовую вахту, я мелкими нарисовал на стене телевизор, радио и аквариум. Разумеется, я не Караваджо, но получилось здорово! Комната приобрела комфортабельный вид.

За авансом пришлось ехать в Муравленко. Получив деньги, потерялись о прилавки магазинов и вернулись в поселок. В тот день бригада впервые переступила порог столовой, которую не посещала из-за финансовых проблем. Аппетитный запах и скатерти на столиках потрясли нас, как стеклянные бусы — дикарей! Повариха, молодая бабенка лет двадцати двух-двадцати трех стреляла в меня блудливыми глазами. Я отвечал короткими очередями. Дуэль взглядов завершилась битвой в кровати. В поселке о кухарке не мечтали только импотенты. Звали ее Света-Четвертак. Почему «четвертак», объяснять не буду. Она быстро выжала из меня соки, надо признать, выжала абсолютно бесплатно, по любви.

Повариха встречала меня на автобусной площадке и сразу волокла к себе. Прятаться не имело смысла: она имела нюх ищейки. Неделью до конца вахты я находился у нее плену. Распутная кухарка глумилась надо мной, как хотела. Утолив ненасытную плоть, пичкала обедками из столовой. Пока я отъедался и «наслаждался» псевдосемейной жизнью, коллектив спивался ускоренными темпами. Пили с омичами из соседней комнаты, с ноябрьскими ребятами, пили с нарофоминцами. Весь барак тащился к нам с фанфурика-

ми. Лосьон, эликсир и тройной одеколон мужики смешивали в разных пропорциях, добиваясь оригинального букета. Выжав из адской смеси всё что можно, тут же и дегустировали. Происходила массовая деградация пролетариата в условиях Крайнего Севера.

На въезде в поселок, в срубе, похожем на сказочную избушку, жил местный нувориш Вася-Покажикино. Он имел два видеомэгнитофона и цветной телевизор. С утра до вечера Покажикино крутил фильмы, на чем, собственно, и сколотил капитал. Вход в храм искусства стоил пять рублей. По ночам в нем собирались дагестанские бутлегеры. Они смотрели исключительно порнуху. Посреди сеанса какой-нибудь Мурзадин, ошпаренный кипятком разврата, выскакивал из избушки и скрывался в заметённом пургой сортире. Минут через полчаса он выползал утомленный, но счастливый. В захолустье, где на пятьсот вахтовиков приходилось три женщины, он в этот момент чувствовал себя настоящим мацо! Звезды с пониманием взирали на брутального онаниста сверху и заговорщицки перемигивались. Аллах в это время кемарил, и выхолощенный дагестанец не боялся его гнева. Он снова вливался в общество вуайеристов и свысока смотрел на братьев.

Вахта подходила к концу. Мы уже знали, что и как, где и когда, с кем можно, а с кем нельзя... Петр Яковлевич умудрился выбить билеты на самолет: на вахту бригады добирались, как могли, и мало кто хотел — по железной дороге. То же самое касалось и отъезда. В бараке мы дали прощальную гастроль и отчалили. До свидания, Север! До скорой встречи!

Шасси коснулись взлетной полосы, лайнер залихорадило, в иллюминаторах мелькнули родные просторы!

— Товарищи пассажиры, наш самолет приземлился в аэропорту «Курумоч». До полной остановки двигателей и до подачи трапа прошу всех оставаться на своих местах. Экипаж прощается с вами и желает...

Еще пару часов на автобусе — и мы вкатимся в обшарпанный, любимый городишко. Жены и дети гирляндами повиснут на шеях, начнут лобызать хитиновые рожи мужей. Лицами их назвать — язык не поворачивается. Наперебой будут спрашивать что да как, кормить домашней стряпней и рассказывать сплетни. Но это будет потом, а пока надо дожидаться автобуса.

— Ну что, мужики, — сказал человек со шрамом, — тяпнем за возвращение?!

Сновидения или поминки по юмору

I

По городским закоулкам, горланя похабные куплеты, шаталась пьяная ночь. Время от времени она швыряла в фонари камнями; ликовала, услышав глухой хлопок и звон разбитого стекла; пинала консервные банки и улюлюкала. Немного передохнув, жалобно выла и ругалась на мерзком лексиконе. Иногда она вспыхивала одиноким оконным проемом, отдергивала занавеску и тут же гасла, восстанавливая нарушенную темноту. Вдоволь наигравшись, обессиленная проказница замирала. Ее остывающее дыхание приводило в трепет листву. Зрачком луны ночь взирала на горбатые кровли домов и вытянутые ленты дорог, впадала в уныние, начинала бледнеть вдоль горизонта. Запылав пунцовой зарей, она скоропостижно умирала. Хоронить ее выходили сонные дворники. Они сметали с асфальта следы ночных забав, шорохом метел отпевали покойницу, одновременно приветствуя родившееся утро. Новый день перенимал эстафету. Дирижируя солнечным лучом, он руководил своеобразным оркестром из кашляющих автомобильных движков, воркующих голубей и предметов многообразного назначения, издающих различные звуки. Бастионы сна рушились, оставляя тепло на

мятых подушках.

Еще не окончательно проснувшись, Роман Куприянович Жмыхов размышлял: «Встать сейчас, или еще полежать?» — его зевок заглушил рев фабричной трубы. Жмыхов скинул одеяло и поплелся в туалет. Так было всегда, сколько он себя помнил. Было до тех пор, пока он не прочитал в журнале, что по морщинам и складкам на лице можно вычислить возраст, узнать о состоянии здоровья и предрасположенности к болезням.

Статья не на шутку взволновала Жмыхова. Он придирчиво рассмотрел в зеркале свое отражение и пришел к неутешительному выводу. Настроение Жмыхова испортилось. Паутина морщин под нижним веком намекала о недостатке витаминов. Глубокая складка между нижней губой и подбородком «сигналила» о проблемах с кишечником, а бороздки у переносицы подсказывали, что развивается заболевание мочевого пузыря и почек.

Самовнушение — сильная штука! Оно может вытянуть умирающего человека из могилы, а вполне здорового — отправить туда без особых на то оснований. Жмыхов отличался мнительностью и все принимал близко к сердцу. Из ванной комнаты он вернулся в спальню, лег на кровать и крестообразно сложил на груди руки. От расстройства его лицо осунулось, под глазами появились тени, а в шевелюре заискрилась седина. Прокуренные легкие печально насвистели: «Пора готовить чистое белье и заказывать музыку».

Жмыхову мерещилась жуткая картина: у гроба столпились бывшие коллеги и друзья. Женщины в черных платках всхлипывали, утирали опухшие глаза мятыми платочками. Соседка по подъезду, искусственная блондинка с роскошной грудью, при виде которой у Жмыхова перехватывало дыхание, неистово лобызала его восковый лоб. Она билась в истерике, дико выла и пыталась забраться в гроб. Ее еле оттащили. Смысл жизни для нее исчез.

— Не разлучайте, положите меня к нему, закопайте нас вместе! Жмыхов, солнце мое! — она не унималась.

«Солнце» с упоением слушало рыдания и собиралось лежать в гробу до тех пор, пока соседка не окажется рядом. Начальник отдела, пузатый сноб, стоял в изголовье и грыз себя за то, что редко награждал усопшего почетными грамотами. Желая хоть как-то компенсировать оплошность, он упал на колени и густым басом зарокотал:

— Почто ты нас оставил? Как же теперь жить без тебя?

Инициативу начальника тут же подцепили остальные. Стены дома вздрогнули и замироточили! Благоухание слилось с запахом формалина и наполнило комнату густым ароматом. Просачиваясь в щели оконных рам, оно вознеслось к небесам. Господь по нюху определил, что преставился уважаемый человек. Он захотел лично присутствовать на траурной церемонии, спустился с высоты славы своей и подошел к покойному. Мертвец приветствовал его скромным молчанием. Господь достал из заплечной котомки сверкающий нимб

и подложил его под голову Жмыхова.

Так хорошо Жмыхову не было никогда! Объемные, живописные видения настолько достоверно обрисовывали обстановку, что не оставляли сомнений в своей реальности. Помимо Господа, начальника и сбрендившей от горя блондинки, покойник отчетливо разглядел среди скорбящих жильца из квартиры напротив. Роман Куприянович завидовал галантному прожигателю жизни и презирал — считал ветреным, крайне вредным для общества.

Больше всего Жмыхова раздражало то, что сексапильная блондинка симпатизировала этому гаду и часто, по утрам, выскакивала из его квартиры. В такие моменты Жмыхов отводил взгляд, сухо здоровался и торопливо спускался по лестнице. Но это все осталось в прошлом.

Красавчик исподлбья наблюдал за присутствующими и затевал коварство. Улучив момент, он проник в спальную, прикрыл дверь и принялся шарить в письменном столе покойного. Сберегательная книжка на предъявителя тут же оказалась в кармане его отутюженных брюк. Потом он снял со стены репродукцию картины Репина «Бурлаки на Волге» и стал запихивать ее под пиджак. Сосед не догадывался, что мертвецы обладают способностью видеть сквозь стены и одновременно пребывать в нескольких местах. Жмыхов готов был ко всему, но подобной наглости не ожидал, тем более в день собственных похорон. Он сел в гробу и зычно крикнул: — Караул! Держите гада!

Глаза усопшего полыхали, руки тряслись и тянулись в сторону спальни. Не подготовленная к такому фокусу толпа ша-рахнулась. Паника подгоняла людей вожжами страха, вселяла в них безумие. Минуту назад тихие заплаканные граждане превратились в одуревших животных. Они рванули из квартиры. Пихались, кусались и сминали друг друга. Господь сообразил, что через двери спасения не обрести, чертыхнулся и выскочил в форточку. Увязая по колено в облаках, он скрылся в небесной синеве.

Труп Жмыхова выбрался из гроба, вытянул руки и лунной походкой приблизился к застывшему соседу. Звонкий подзатыльник выбил из глаз воришки сноп искр и раскатом грома прокатился по квартире. Роману Куприяновичу этого показалось мало. Он с силой крутанул соседа за ухо. Тот по-детски захныкал, схватился за больное место и превратился в маленького, лысого рахита. Картина выпала из-под полы пиджака. Бурлаки бросили тянуть баржу и тараканами разбежались кто куда.

Удовлетворенный возмездием Жмыхов вернулся к гробу, взбил маленькую подушечку и принял исходное положение. Сумбурные мысли колтунами сбились в его голове, продолжая рожать милые душе видения. Сколько бы он спал — неизвестно. Телефонный звонок бесцеремонно разрушил сказочные грезы. Роман Куприянович автоматически снял трубку.

— Ты почему на работу не вышел? — возмущенный голос

недавно рыдавшего начальника не произвел должного эффекта.

Жмыхов зло ответил:

— Да пошел ты! Умер я! — Трубка легла на свое место.

II

После этой выходки бытие Жмыхова превратилось в кошмар. Уязвленное самолюбие заставило шефа оседлать «покойника» и кататься на нем верхом. Он взвалил на его плечи такой объем работ, от которого давно бы отбросил копыта любой жеребец. Роман Куприянович безропотно сносил тяготы и, к всеобщему удивлению, достойно с ними справлялся.

При относительно высоком росте Жмыхов, по сути, был человеком маленьким и незаметным. Пугливой тенью он скользил по жизни. При встрече со знакомыми протягивал лодочкой потную ладошку и сконфужено улыбался. Всячески избегая конфликтных ситуаций, он прослыл рохлей. Жмыхов так и жил бы до скончания дней своих, если бы случайно не приобрел брошюру «Становление личности». На досуге он ознакомился с ее содержанием и решил изменить к себе отношение окружающего мира. Жмыхову надоело боязливо обходить молодое поколение, распивающее в подъезде спиртные напитки. Надоело опускать глаза, когда руководитель отчитывал его за какую-нибудь мелочь. Надоело... Да мало ли, что ему надоело! Настало время положить этому конец! Первым делом Роман Куприянович купил щенка

бойцовой породы. Псина попалась удивительно шустрой и росла не по дням, а ежесекундно. Испуганная ее нахальным, отморозенным взглядом, бесшабашная молодежь покинула облюбованный подъезд. Жмыхов, незаметно для себя, перенимал от питомца звериные повадки. На планерке начальник бросил в его адрес пошлую шутку. Роман Куприянович оскалился и гавкнул в ответ. Коллеги посчитали его сумасшедшим и обходили стороной.

Бывший тихоня не остановился на достигнутом и пошел дальше: он купил револьвер! Железяка, способная изрыгать пламя, нарушать тишину и плевать свинцовой слюной, приятно оттягивала плечевую кобуру.

Вечерами Жмыхов долго играл со смертоносной игрушкой и отшлифовывал у зеркала технику ее извлечения. «Вот как должен выглядеть настоящий мачо!» — он по-голливудски кривил в ухмылке лицо. Оружие дарило покой и уверенность. Жмыхов спал с револьвером под подушкой и перестал видеть сны. Жизнь наладилась, потребность в валидоле отпала. В глазах Жмыхова появился лед, в движениях — твердость, на губах — самодовольная улыбка. Он отпустил щетину и выглядел брутально. Как же ему хотелось при скоплении народа вытащить волюну и стрельнуть в воздух! Пусть знают, каков он на самом деле!

Темной ночью, когда летучие мыши срывались с луны, Жмыхову в кои-то веки привиделся сон: он распластался на асфальте в позе «Отстаньте, я устал!» Шаркающие шаги вы-

нудили приподнять голову. К Роману Куприяновичу подошел бородатый мужик в потрепанном пальто и стоптанных туфлях на босу ногу. Незнакомец опустил на землю сетку с бутылками и присел рядом. Что-то знакомое было в его внешности. «Неужто Толстой?!» — Жмыхов испытал неловкость за то, что так и не осилил «Войну и мир».

— Простите! — начал он с извинений.

— Карл Маркс! — Бородач протянул грязную руку. — Что это вы на тротуаре развалились? Так и простыть недолго!

Великий теоретик вытащил из-за пазухи древний телефонный аппарат, постучал по рычажку пальцем.

— Барышня, вызовите неотложку — человек погибает. Шел к светлому будущему, но заблудился в дебрях демократии и развитого капитализма. Валяется в исподнем, портит внешним видом окружающую обстановку. — Автор «Капитала» схватил Жмыхова за щиколотки и оттащил с мостовой. — Полежи на обочине, скоро за тобой приедут! — успокоил он, скатал в рулон пешеходную дорожку и сунул ее под мышку.

— Что вы делаете? Вас же посадят! — Жмыхов оторопел.

— Мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием. — Озираясь, Карл Маркс исчез за углом дома.

Жмыхов опасался, что кражу тротуара припишут ему. Поднявшись, он побежал домой. Там его поджидало новое приключение. Белокурая соседка в кожаном белье похлестывала по ботфортам плетью и манила Романа Куприяновича пальцем. Сознание Жмыхова подсказывало встать на четвереньки и высунуть язык.

— Ко мне! Кому сказала?! — Соседка щелкнула плетью.

Жмыхов заскулил, подбежал и лизнул ее руку. Блондинка захохотала и раздалась в объемах. Белокурые локоны осыпались на пол, а фривольный наряд сменила форма немецкого офицера времен Второй мировой войны. Обескураженный Роман Куприянович признал в военном ненавистного начальника.

— Говори, собака, где финансовый отчет за прошлый месяц?

Жмыхов вскочил на ноги и прикрыл ладонями интимное место. Ему стало совестно за безобразный вид. Способность мыслить логически упала в нишу бездарности, дар речи улетучился. Роман Куприянович замычал и стал объясняться на пальцах.

— Ты скверный работник!

Начальник пнул Жмыхова. Голос шефа рвал перепонки. Роман Куприянович взмок от оскорбления. Перед его глаза-

ми все завертелось, обида захлестнула разум. «Как же ты меня достал! Хватит терпеть, пора переходить к радикальным действиям!» — Жмыхов вспомнил о железном друге.

III

По пыльной дороге бежали две полинявших псины. Облезлыми хвостами они отгоняли мошкарку. Дворняга в простеньком ситцевом платке высунула длинный язык и делилась сплетнями:

— Джульетта Романовна, давеча в подворотне сожитель ваш с другими мужиками сучку молодую обхаживал. Лаются меж собой, грызутся. А та зубы скалит, потаскуха! Срам! Пристыдили бы его, ведь позорит на всю округу!

— Ах, милая! Знаю все, а разойтись не могу: люблю окаянного! Прибежал домой, морда в крови, а про меня не забыл: роскошную голяшку приволок! Весь вечер ее глодала, наслаждалась!

Дворняга в ситцевом платье извернулась, щелкнула зубами и загрызла докучавшую блоху.

— Педикулез замучил! — пояснила она. — Мой негодяй всю семью наградил! Представляете?! Барбос паршивый! Хоть на поводке выгуливай! — Она сощурила подслеповатые глаза. — Гав... Гаврик! Гаврик! А ну-ка, беги сюда!

Щенок в бескозырке выплюнул сигарку и оторвался от своры малолеток. Подбежав, он виновато наклонил морду.

— Опять с кодлой связался? Еще раз увижу — накажу! Чем по улицам без дела мотаться, лучше бы в цирк сходил.

Там люди дрессированные по канату ходят и на велосипедах катаются! Выходит, что любую бестолочь можно чему-то научить!

Гаврик понял, что наказания не будет и осмелел.

— Видел я их в прошлом месяце. Сколько можно одно и то же смотреть?! Лучше в зоопарк схожу. Говорят, корейцев привезли. Самые лютые хищники на земле! Ребята рассказывали, как кореец сторожиху Найдю сожрал, когда та решила его рисом покормить.

— Иди в зоопарк и курить брось! Весь махоркой провонял!

Дворняга закончила профилактическую беседу с отпрыском и вернулась к разговору с подругой.

— Вот так и живем, Джульетта Романовна! Молодежь! Учишь, объясняешь — как об стену горох! Опять к друзьям намылился. Чему он от них научится? Жопы сучкам вылизывать?!

Все сильнее припекало солнце, все тяжелее становилось дыхание собак. Над выгребной ямой кружился рой навозных мух.

— Низко летают. Видать, к дождю! — заключила Джульетта Романовна и сменила тему: — Как же они славно жужжат! Хочу домой парочку купить. Посажу в клетку, пускай слух радуют!

— Эстетка вы, милая моя! Сразу видно — дворянская кровь!

— Что есть, то есть! — подтвердила псина. — В нашем роду все породистые. Давай-ка, отдохнем — иссякли силушки!

Собаки повалились в дорожную пыль. Неожиданно небо затянулось тучами. Шарахнуло так, что зазвенело в ушах.

Испуганная Джулька подскочила, с лаем бросилась к кровати хозяина. Свет уличного фонаря, проходящий сквозь тюль, показал ей разбрызганные по обоям кошмарные сновидения Жмыхова. Задыхаясь от пороховой гари, собака завывала. Отходная для Романа Куприяновича вызвала у соседей животный страх.

БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО

Паутина

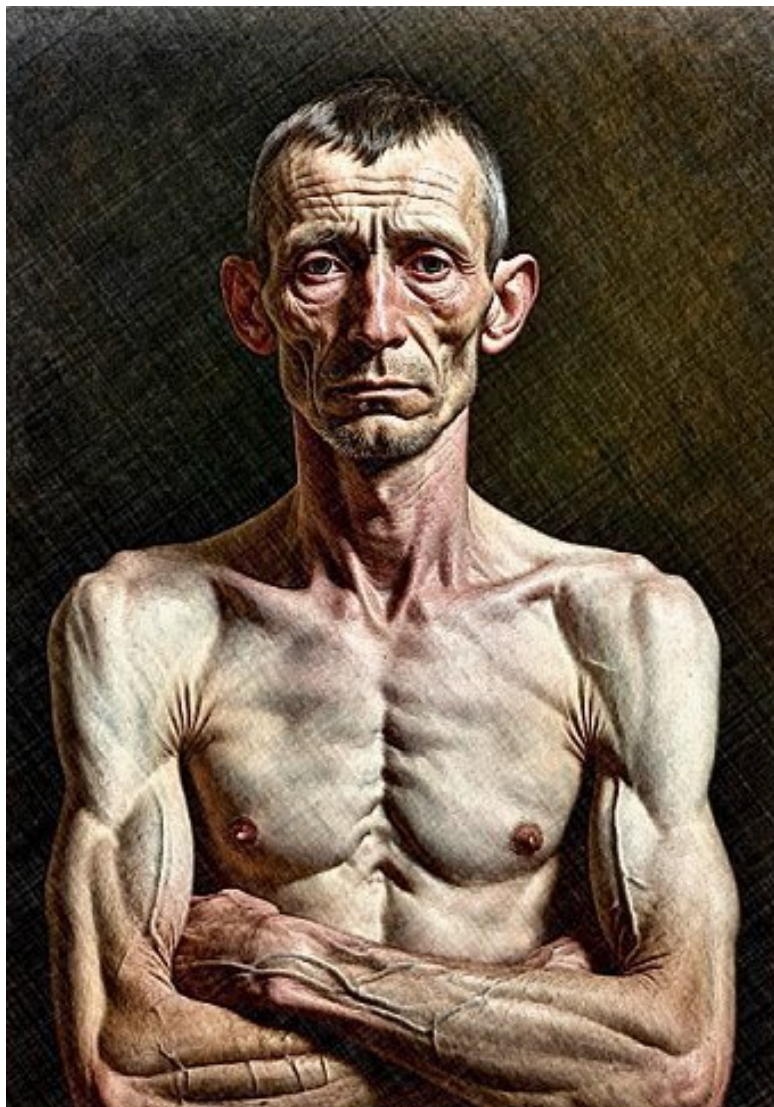
I

В тот самый час, когда заря расплзалась вдоль горизонта, облизывала крыши и отражалась в окнах; в те самые минуты, когда относительно здоровые граждане имитировали зарядку, а относительно больные пили микстуры, Авдий Гробов спал и пускал на подушку вязкие ручейки. Быть может, он спал бы вечно, но сосед сверху что-то ронял, громыхал и жутко скрипел половицами. Гробов вздрагивал, открывал глаза и минут десять соображал: кто он и где находится. Ав-

дий возвращал сознание на законное место, чесался и ужом сворачивался под одеялом. Так и не заснув, он с неохотой покидал теплую кровать, долго шарахался по квартире в поиске носков, штанов, рубашки; с причмокиванием высасывал два сырых яйца и вытирал губы рукавом.

Гробов был костляв, сутул и весьма неопрятен. Стриженный череп смахивал на выжженную степь, небритый подбородок — на замшелую кочку. В полинявших, как февральское небо, глазах сожительствовавали вакуум и равнодушие. Особенно выделялись уши. Большие, с торчащими из них волосками и отвисшими, мясистыми мочками, они окончательно портили физиономию. С такой внешностью лучше всего быть палачом — спрятал под колпак голову, и никто не видит твоих изъянов. Махнул топором и показал, кто в доме хозяин!

Одевался Гробов соответственно. Твидовый пиджак с оттопыренными карманами и брюки без стрелок служили повседневной униформой. В зависимости от сезона, поверх пиджака натягивался презерватив плаща или шуба-гульфик из свалывшегося, потерявшего лоск искусственного меха

Всем известно, если у гражданина в руках что-то есть, то он это непременно пустит в дело. Если это мел или уголь, то он напишет или нарисует на стене какую-нибудь гадость; если палка, то ударит соседа по голове; если бомба, то бросит ее под паровоз или в чье-нибудь окошко — люди не могут сидеть без дела, так распорядилась природа. Как-то Авдию подвернулся нож, но не обычный, а секционный. Впрочем, давайте по порядку.

Как-то Авдий помог соседке вытащить из петли труп ее муженька. В морге их встретил судмедэксперт в клеенчатом фартуке. Он по достоинству оценил хладнокровие Грובה, который не побрезговал обгаженными штанами самоубийцы, не испугался его вытаращенных, удивленных глаз и по-энштейновски насмешливо вывалившегося языка. Судьбоносную роль сыграла и фамилия. Заведующий «мясного цеха» носил не менее привлекательную — Крестовик. Была какая-то невидимая связь, объединяющая эти фамилии. В общем, Авдию подфартило; случай — великое дело!

— Не хотите поработать санитаром? — осведомился судмедэксперт. — Мне как раз необходим помощник. Трудился со мной некий Коврижкин, пришлось уволить за вредные привычки. Ко всему прочему, оказался религиозным провокатором. Да, зарплата плюс профит обеспечат вам достойную жизнь!

Какой дурак откажется от подобного предложения? Ав-

дий согласился. «Не родись красивым, а родись счастливым!» — припомнилась ему народная мудрость. Гробов рассчитался, поставил мужикам ящик водки и покинул бригаду шабашников.

Первое время Гробов с содроганием смотрел, как Крестовик, насвистывая, кромсает усопших сограждан; как ковыряется внутри и оценивает состояние отслуживших свое органов. Запахи формалина и разложения вызывали у Гробова дискомфорт. Его, проще говоря, выворачивало.

— Ничего, привыкаешься! — успокаивал многоопытный коллега и протягивал папироску, набитую коноплей. — Покури, трава слабенькая, но рвотные позывы уничтожит. Не бойся, не привыкнешь!

Авдий быстро перестал испытывать отвращение к смраду, к виду набухших почерневших трупов, найденных милиционерами в оврагах, колодцах или перелесках. С гримасой сочувствия и скорби он выслушивал родственников добровольно ушедших из жизни горожан и брал на себя обязанность помыть, побрить, если того требовалось, и одеть мертвеца в чистое.

Все бы ничего, но тяга к конопле не исчезла. Более того, она сменилась страстью к кокаину. Колдовской порошок, отведенный у торговца зельем, удивил Авдия потенциалом. Он вызывал такой прилив сил, что тело начинало зудеть, а энергия искала выход.

Авдий втягивал ноздрями колумбийскую «пыль», и на

него накатывал приступ душевности. Краски уходящего дня вспыхивали с новой силой, струились сказочным фосфорическим светом. Хотелось перецеловать всех мертвецов, поговорить с ними о жизни, о футболе и политике. Оставаясь на ночное дежурство, он пробовал завязать отношения с окоченевшими женскими трупами. Но те не разделяли интересов санитаря, не отвечали взаимностью и не поддерживали беседу. Авдий двигал мохнатыми бровями, считая себя несправедливо обиженным. Нервы сдавали и он срывался, колотил покойниц по парафиновым лбам костлявым кулаком. Хорошо, что на бескровных лицах не оставались синяки, а то Гробов давно бы загремел по статье за злостное хулиганство. Отомстив жмурикам, он снова насыпал на стол серебристую дорожку. Зрачки Авдия расширялись, становились бездонными; по телу пробежала благоговейная дрожь. Гробов успокаивался, проверял: все ли покойники на месте, а потом погружался в грезы.

Шмыгая напудренным носом, он видел себя на троне из костей в окружении небесного войска. Херувимы, все как один, стояли с закрытыми глазами и бирками на ногах. Из-за их спин виднелись ошипанные куриные крылья. Легион смерти — не иначе! Гробов так и засыпал, не выходя из экзотических видений.

Новая профессия нравилась Гробову, и он отдавался ей полностью. Внимательно слушая наставника, Авдий запомнил, чем отличается вскрытие по методу Абрикосова от ме-

тогда Шора. Спустя полгода он ловко потрошил покойников и самостоятельно делал трепанацию. Благо, клиенты были непритязательны и позволяли творить с собой что угодно. Авдий повышал мастерство, с остервенением резал трупы и штопал, резал и штопал. За ним с подозрением наблюдал Крестовик.

— Что с тобой происходит? — как-то спросил он. — Ты к ним просто равнодушен.

— Душу ищу, — чуть слышно пробормотал Авдий, не отрываясь от работы.

Ответ Грובה изумил Крестовика откровенностью.

— Душа покидает тело с окончанием жизни, — с сожалением заметил он и отхлебнул из бокала крепко заваренный чай.

— Тогда посмотрю, где она таилась.

— Ты вот что, друг! Не перегибай палку с марафетом, а лучше всего завяжи. Иначе нам с тобой придется расстаться, как это ни прискорбно. — Судмедэксперт похлопал Грובה по плечу. — Сходи в церковь, там про душу все знают. Завтра можешь взять отгул, я один справлюсь.

Авдий согласно кивнул, продолжая штопать брюхо тощей старухи.

II

Длинная, похожая на корабельную цепь вереница людей тянулась к белокаменному храму. Накануне привезли засохший палец с Афона, а может, и не палец, а другой орган по-

чившего в начале эры святого. Подобные хвосты из граждан и раньше ползали по улицам, но исключительно в направлении универмагов.

Религиозное наваждение кружило над существами с погасшим взором и молитвенным шорохом на устах, толкало их коснуться губами сомнительного сухарика и просить у него милости. Неважно, что милость не снизойдет — так надо, чтобы не отличаться от остальных братьев и сестер, показать свою набожность и не терять зыбкую надежду на жизнь после жизни.

Бородатый демон в рясе бродил вдоль очереди и орошал ее святой водой. Капли божьей благодати пахли хлоркой, оставляли на одежде пятна. Опрысканные старухи иступленно крестились и пытались поймать беззубыми ртами святые брызги.

Через перекресток смуглолицые мусульмане резали баранов — отмечали Курбан-байрам. Приумножая торжественное настроение, те весело бляели, в агонии барабанили по асфальту копытами и красили его жертвенной кровью. Липы вдоль мостовой восторгались накалом ритуального безумия и шуршали остатками желтой листвы.

Авдий Гробов ежился и думал о том, какая религия лучше. В его голове пылились библейские заветы, обрывки аятов из Корана, а в груди бился маятник, похожий на червовый туз. Запах шашлыков пробуждал зверский аппетит и усиливал слюноотделение. Авдий сглатывал, но легче не становилось. «Плюнь на святыню, иди, пожри!» — урчал кишечник. В то же время хотелось коснуться чудотворных мощей — чем черт не шутит, а вдруг помогут?! Решению каких насущных проблем способны помочь сгнившие останки, Гробов не догадывался. «А что если сбегать, перекусить и вернуться? В очереди скажу, что отлучился по нужде».

Авдий повернулся к мужчине в допотопном плаще и с сиңюшным лицом покойника.

— Я отлучусь на минутку, что-то живот скрутило... — Он приподнял воротник, стараясь спрятать глаза.

Мужчина кивнул, глянул номер на руке Авдия и перекрестил единовѣрца. Казалось, он уловил запах наивной хитрости, но виду не подал.

— Бог в помощь! — напутствовал он.

Гробов переметнулся к магометанам.

Площадь около храма оккупировали жители востока. Всюду курились ароматные дымы, мутная вода пузырилась в огромных казанах; всплывали и тонули потерявшие цвет куски мяса. Недалеко от чугунной урны с формами лафитника коренастый узбек махал веером из газеты. На угли ман-

гала капал и с шипением вспыхивал жир.

— Аллах акбар! — отсалютовал Авдий, рассчитывая на дармовое угощение, и не ошибся!

Узбек перестал махать газетой.

— Воистину воскрес! — неожиданно ответил он и протянул Гробову аппетитный шампур.

Жёлтые зубы вонзились в мякоть, рвали ее, роняя на пальто капли жирного сока. Авдий взглядом поблагодарил доброго мусульманина. Тот вздрогнул, плотнее закутался в полосатый халат и стал бормотать под нос суры. Гробов смаковал запеченную баранину и внезапно заметил соседа по очереди к православным святыням. Тот оглядывался, торопливо пихая в рот угощения иноверцев. Его обильно смазанный жиром подбородок блестел как церковный купол.

На полный желудок верить ни в Аллаха, ни в Иисуса не хотелось; подчистую испарилось желание целовать нетленные мощи. Более того, мысль о лобызании мертвой плоти вызывала тошноту. Вера в душе Гробова догорела и погасла. Подняв воротник, он потащился домой. Вечернее небо роняло ажурные снежинки. В позолоченном свете фонарей они казались мотыльками. Покружив вокруг плафонов, мертвые бабочки исчезали в сгущающейся темноте. Над головой мирно висел магометанский серп, за спиной чернели распятые на небосводе православные кресты. Сонными воронами на них жались несбывшиеся надежды, вера в светлое будущее и любовь, способная на все.

— Молодой человек, подождите! — нарушил тишину незнакомый голос.

Гробов замедлил шаг и повернул голову. Задыхаясь, его догнал синелицкий гражданин.

— Пойдите, — дыхнул он запахом шашлыка. — Мне, кажется, нам есть о чем поговорить!

«О чем можно говорить с ренегатом?» — Авдий хотел послать незнакомца крылатым выражением, но вспомнил, что сам не лучше. Стало стыдно. Камень вероотступничества давил на душу.

— Мне кажется, мы единомышленники — адепты зарождающейся религии, соединившей в себе мусульманство, христианство и мать их — иудаизм.

Оправдательный приговор заставил Гробова иначе посмотреть на собеседника. «Действительно, как же я сам до этого не додумался?!» — Авдий с признательностью пожал руку новому знакомому.

Лучезарная улыбка Гробова затмила свет фонарей.

— Коврижкин... Константин! — не скрывая радости, представился незнакомец.

Мысль о том, чтобы загнать все учения под одну крышу и кончить с религиозной антипатией, потрясла Авдия грандиозностью. Он ясно представил глобус в лучах восходящего солнца. С двух сторон его обрамляли перепоясанные омофором снопы пшеницы. Над глобусом сияли скрещенные символы христианства и магометанства, внизу, на волнообраз-

ной ленте красовался лозунг: «Братья и сестры всех стран, соединяйтесь!» Авдий потер виски: «Дежавю! Где-то я это уже встречал, но где? Быть может, генетическая память воскрешает в сознании элементы канувшей эпохи?» Воспоминания оборвал новый знакомый.

— Как вы относитесь к кришнаитам? Неплохо бы, чтобы новая вера демонстрировала не христианское уныние или мусульманский экстремизм, а веселие и беззаботность. Хочется, чтобы люди, входя в лоно молодой церкви, радовались достатку, а не вымаливали его у Бога. Попрошайничество — действие унижительное по сути своей, но отказ от него церковь именует гордыней.

И снова Гробов поразился мудрости собеседника. И снова его огорчило то, что это не его мысли, а какого-то проходимца, случайно подброшенного судьбой.

— Веселые люди не агрессивны, в мире будут царить радость и человеколюбие. О войнах забудут. — Синелицкий воздел руки к небу и стал пританцовывать. — Харе Кришна, Харе Рама!

Мантра вальсировала в промозглом воздухе среди снежинок и таяла, касаясь асфальта. «Как же все элементарно!» — поражался услышанным умозаключениям Гробов, и уже не признательность светилась в его глазах, а зависть и ненависть. Он вытащил из-за пазухи нож и пырнул Коврижкина. «Я! Я принес жертву на алтарь светлого будущего!» — торжествующая улыбка озарила лицо Гробова. Совесть его

вновь стала прозрачна и чиста. Он обыскал убиенного. Кроме серебряной табакерки у того ничего не было. «Не густо!» — сокрушенно подумал Гробов, открывая находку.

«Соль, что ли?» — Авдий отведал порошок на вкус. Знакомая горечь лишила язык чувствительности. «Кокаин! Тут доз пять — не меньше! Теперь понятно, откуда у прощельги такие мысли в голове! Вот тебе и Харе Кришна, и Отче наш, и Аллах акбар в одном флаконе!»

III

Девочка без талии, но с тонким музыкальным слухом извлекала из виолончели болезненный стон. Гробов не полагал, что концерт художественной самодеятельности настолько испортит ему настроение. В антракте он нырнул в буфет и закачал в себя двести граммов коньяка. Тот вступил в союз с кокаином и довел Гробова до апофеоза.

Второе отделение началось с сонаты, за ней последовало адажио. Дальше стало еще хуже. Авдий оглядел зал и поднялся.

— Нельзя ли исполнить что-нибудь другое? — Пьяная отрыжка прозвучала как вызов. — Давайте — про цыган!

Женщина, сидевшая сзади, одернула его:

— Как вам не стыдно, молодой человек?! Это же мировые шедевры в исполнении юных дарований!

— Сгинь, культяпка! Пусть играют наше. Я сын отечества и не позволю издеваться над патриотическими чувствами!

Авдию не сиделось. Дьявольская сила толкала к реше-

тельным действиям. Он рванулся к сцене. Чувствуя угрозу, дети побросали инструменты и скрылись за кулисами. Какой-то ценитель прекрасного вознамерился остановить бузотера, но схлопотал по зубам. Атака на воинствующее бескультурие бесславно захлебнулась.

Гробов не обращал внимания на возмущение зала. Он подошел к стойке и пощелкал по головке микрофона.

— Раз, раз, раз! — Удостоверившись в том, что его все слышат, Авдий запел: — Ехали цыгане, не догонишь...

Вонь и духота сочились из стен камеры. Ее понурые обитатели оказались обаятельными людьми. Они угостили нового сокамерника сигаретой и ненавязчиво выпытали историю его заточения. Дабы разогнать грусть, прописавшуюся под тюремными сводами, аборигены предложили Гробову спеть. Петть не хотелось, но, глядя на покрытые татуировками тела, он сдался.

— Голубая луна, голубая...

Публика оцепенела от восторга. Поступила заявка изобразить стриптиз. Авдий не ладил с Терпсихорой, но удар в печень придал его телодвижениям изящность. Неизвестно, чем бы закончилось шоу, но дверь камеры распахнулась, танцора попросили на выход. Огорчение восхищенных поклонников невозможно было выразить словами.

Милиционер пристыдил Авдия за недопустимое поведение в Доме Культуры и дал совет тщательнее подбирать ре-

пертуар для сокамерников. Гробову выписали штраф и отпустили. Улицы

встретили артистично настроенного каторжанина унынием и пылью. Пошарив в карманах, он вытащил горсть рублей. За грязным столиком рюмочной Авдий стал рассказывать мужику с опухшим лицом, как он мотал срок.

— Ничего страшного. Главное, показать всем, что ты человечище! — Размахивал кулаками свежеиспеченный уркаган. — Если что — сразу в морду! Желательно самому блавному и, считай — ты в авторитете! Дикое общество, никакой культуры. Сила решает все. Короче — джунгли!

Гробов демонстративно напряг усохший бицепс.

— Меня они боялись и уважали!

Его понесло в такие криминальные дебри, что сосед по столику трусливо сбежал. Этого Гробову показалось мало — водка толкала к приключениям и подвигам. Раздувая ноздри, он отправился в «кругосветное путешествие» по злачным местам. В тот день его видали в трех забегаловках, на вокзале и в обществе бомжей. «Все порядочные с виду люди на деле — конченные сволочи! Вы же выглядите паршиво, но у вас стирильные души. С вами легко и спокойно», — уверял он новых друзей. На работу Авдий больше не выходил.

Утро после Пасхи напоминало сошествие в ад. Мерцающее сознание рисовало в памяти негативные фрагменты из прошлого и будущего. Внутри черепной коробки сидела боль. Она без устали колотила тупым клювом, пытаясь

проломить покрытую сбившимися волосами скорлупу. Перед глазами кружились мушки, пятна и ускользающие нити в виде осенней тенеты.

Авдий схватился за голову и нащупал нечто острое, торчащее из темечка. Нестерпимые муки отошли на второй план. Пошатываясь, Гробов подошёл к трюмо. В зеркале с потускневшей амальгамой он разглядел, что из его темечка торчал клюв! Авдий потянул за него. Череп со звоном лопнул и покрылся трещинами. Превозмогая боль, Авдий вытащил из головы ворону. Захлебываясь от восторга, она каркнула: «Харе Кришна! Харе, Рама!», — хлопала крыльями и вырвалась из рук. Вращая налитыми кровью глазами, оголтелая птица скакала по полу.

— Ты кто? — спросил не на шутку перепуганный Авдий.

— Судьба твоя! — пританцовывая, ответила ворона.

Гробов поймал обманщицу и уже собрался оторвать ей башку, как стук в дверь разогнал сумбурные видения. Авдий с трудом поднялся с кровати и побрел в прихожую.

— Мы по объявлению, насчёт квартиры...

Гробов провел лето в обществе бродяг. Вырученные за квартиру деньги «сгорели» махом. Авдий летел в бездну: собирал бутылки и воровал с дачных домиков все, что подвернется. Однажды хозяева дачи застали его на месте преступления и наказали. Наказали от души! Собутельники заботились о Авдии, по мере сил и возможностей. Ближе к осени он вроде бы оклемался и внешне ничем не отличался от себя

прежнего. Вот только память собрала в узелок самое ценное и навсегда сбежала от Грובה.

Пестрая листва срывалась с веток и устилала ковром тротуары. На скамье узловой станции который день ютился человек неопределенного возраста. На вопросы: «Как зовут? Где живешь?» — тот заводил песню: «Харе Кришна, Отче наш!» После обследования потерявшего память бродягу поместили в приют для душевнобольных, где спустя неделю он скончался от пневмонии. Патологоанатом кое-как заштопал труп и даже не удосужился обрезать концы торчавших ниток. Грובה плевать хотел на эти мелочи: его выпотрошенное тело торопилось на кладбище для бомжей, босоногая душа — на божий суд.

ЭПИЛОГ

Крестовик устало опустился на кушетку, вытер со лба пот. Вентилятор гонял по моргу запах формалина и не спасал от духоты. Осторожные шаги заставили судмедэксперта повернуться. Перед собой он увидел молодого человека с ворохом бумажек в руках.

— К вам направили, на стажировку. — Практикант еле сдерживал подкативший к горлу комок.

Крестовик ожил и протянул руку.

— Пашу как проклятый! Один помощник спился, другого пропал. Ты проходи, садись. — Он взял у парня документы и, не глядя, бросил на стол. — Чего морщишься? Воротит? Ничего, привыкнешь. Все привыкают.

Судмедэксперт открыл сейф и вытащил папиросу.

— На, курни, это поможет.

_____ БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО

_____ **Золотое детство**

I

Облака тайком сползли с небес, окутали землю дымкой, щедро окропили деревья и траву. Отполированные алмазы

сияли в широких ладонях лопухов. Если наклониться и приглядеться, то в них вверх ногами отражался мир. Налетевший ветер превратил алмазы в капли росы. Они скатились с лопухов и разбились о землю.

Марево рассеялось, вернув миру привычный вид. «Колыма» — городской район, состоящий из бараков — просыпался. В утренней тиши загромыхали ведра, захлопали двери уличных сортиров, послышались приветствия и болтовня. Когда солнечная грива запуталась в кронах тополей, «колымчане» поплелись кто на работу, кто по своим делам, кто на парадное крыльцо. Крыльцо служило местом встречи, на нем обсуждались последние события.

Из наших соседей по бараку особо выделялся дядя Ваня, невысокий человек мрачного вида. Он никогда не повышал голос, не ругался матом; лексикон его походил на своеобразное эсперанто. Фаланги пальцев дядя Ваня украсил перстнями с тайной символикой. Между большим и указательным пальцами на левой кисти — замер огромный жук. От запястья начиналась живопись из паутины, чертей, сидящих на месяце, и надписей типа: «Я выжил там, где мамонты замерзли». К плечу был «пришит» эполет. Остальная красота пряталась под майкой.

У дяди Вани росли исключительно золотые зубы. Стоило ему улыбнуться, как солнечные зайчики отскакивали от них и тонули в зрачках собеседника. Относились к нему с уважением, в котором присутствовала доля страха. Если меж-

ду пьяными мужиками возникал конфликт, бабы звали дядю Ваню. Взглядом исподлобья и короткими фразами он успокаивал бузотеров. Жены у него не было. Поутру из холостяцкой норы дяди Вани часто выныривали незнакомые женщины и тенью исчезали в подворотне. Похоже, он и сам не догадывался, кто они, откуда и что делали в его комнате.

Дядя Ваня хорошо относился к ребятам. Показывал карточные фокусы и растолковывал их секрет. Ловкости его рук мог позавидовать любой фигляр. Пацанам постарше он травил байки о тайге, где медведь-прокурор устанавливал свои законы, а волчья стая нападала на козлов и других представителей животного мира.

— Дядь Вань, а куда корабль плывет, ты что, моряком был? — спросил я, изучая бригантину на предплечье соседа.

— Эх, Санька! — вздохнул дядя Ваня и погладил меня по голове. — Плывет кораблик мой туда, где нет закона и труда!

Я с завистью водил пальцем по татуировке, мечтая сделать себе такую же. Однажды малолетний дружок наслюнявил химический карандаш и нарисовал на моем плече пароход с трубой, из которой валил густой дым. Я отыскал в шкафу майку, взял кружку с жиденькой заваркой и вышел на крыльцо. Присев рядом с соседом, отхлебнул «ослиную мочу» — так уркаган называл любое пойло, кроме чифира.

— Ну, брат, даешь стране угля! — воскликнул дядя Ваня. — Иди, смывай партаки, пока маманя не оторвала тебе уши! Он подтолкнул меня в спину. Я сплюнул сквозь дырку от

выпавшего молочного зуба и принял независимую позу.

— Что она сделает? Я мужик в доме!

Вечером барак слушал, как мать ремнем выколачивала из моих полушарий дурь. На следующий день я появился на крыльце чистый, аки агнец божий, в шортах и клетчатой рубашке.

— Ну что, говорил я тебе? — Дядя Ваня обнял меня за плечи.

— Все равно, когда вырасту, нарисую!

— Ни к чему это, Санек! — сказал он и ушел к себе.

В тот же день по его душу явились милиционеры.

— Мам, а куда дядю Ваню увезли? — спросил я.

— Картинки дорисовывать. Видать, не все нарисовал!

Без дяди Вани ничего не изменилось. Жизнь в районе шла тихо и однообразно. Однажды всех поразил арест Дормидонта. Задержали Муму — так глухонемого звали между собой — за продажу самодельных игральные карт с пикантными картинками. При обыске у него изъяли порнографические журналы и фотоаппаратуру. Самого любителя «клубнички» упрятали в каталажку, где он мигом развратил сокамерников и был переименован в Дарью. Его жена, узнав об изменах, подала на развод.

— Женщина с женщиной жить не может! — мотивировала она.

Глупая баба! Еще как может, но жена фотографа об этом не догадывалась. Муму отделался условным сроком, забрал барахло и навсегда покинул «Колыму».

Еще один известный в округе персонаж, Коля хромой, с рождения имел разные по длине ноги. Природный дефект отражался на походке, но абсолютно не мешал плясать. Стоило включить музыку, Коля закладывал одну руку за голову, а другой что-то чертил в воздухе. Его ноги выписывали умопомрачительные кренделя; мозги от чрезмерного употребления алкоголя частенько давали сбой. Как-то Коля пустился в пляс перед оркестром, сопровождавшим траурную процессию. Родня усопшего сделала внушение, но танцор не внял совету. Тогда его заволокли за сараи и накостыляли. После больницы Коля стал смирным и неразговорчивым, танцы его больше не интересовали. С тоски он выпил какую-то гадость, выдавил из себя кровавую пену и околел. Хоронили его тихо, без музыки: опасались, как бы Коля не выскочил из гроба и не устроил прощальный бенефис.

Вскоре отец получил квартиру, мы распрощались с «Колымой» и переехали на новое место жительства. В нашем дворе жил некий Спиридонов, дядька лет пятидесяти. Он громогласно утверждал, что его в жилах течет дворянская кровь. Спиридонов часто напивался до чертиков и презрительно называл всех батраками. Как-то раз он отдыхал на лавке и кричал на всю округу: «Шваль подзаборная, вы мне ноги целовать обязаны!» Это заявление вытянуло из кустов интеллигента с потрепанной физиономией. Не разделяя точку зрения Спиридонова, он справил на него малую нужду. После такого унижения Спиридонов предпочел выступать

с балкона. Во время очередного спича он был динамичен сверх меры. Старухи, сидевшие у подъезда, стали очевидцами отменного исполненного сальто-мортале. Врачи соскребли с асфальта мозги Спиридонова, но запихать их на место поленились.

II

За окнами в конусообразном свете фонарей кружились снежинки. Ожидание праздника возбуждало, не давало сидеть на месте. Хотелось дурачиться и безобразничать. Наконец тренькнул дверной звонок. Я выбежал в коридор, чтобы первым встретить гостей. Отец оказался проворнее. Он отстранил меня и сам открыл дверь. Поток морозного воздуха в квартиру занесло Половинкина Кирюху, такого же оболтуса, как я, и его родителей. Пока взрослые разбирали сумки, мы любовались колючей красавицей, трогали картонных петушков и стеклянные шары. Под елкой, в сугробах из ваты, стоял Дед Мороз. Опираясь на деревянный посох, он молча наблюдал за происходящим. Кирюха улучил момент и похитил со стола кружок копченой колбасы.

— Пошли, марки покажешь!

Я только достал альбом, как в дверь снова постучали. На этот раз пришли Ложкины. Пока взрослые сюсюкались и осыпали друг друга комплиментами, сынок Ложкиных — сопливый нытик — присоединился к нам. Мы стали изучать шедевры мировой живописи. Особенно нас интересовали изображения голых теток.

— Ух ты! — восторгался Ларик, слизывая языком вытекший из носа ручеек.

Взрослые уселись за стол и загремели посудой.

— Так, соловьи-разбойники! — Ложкин-старший вытер губы тыльной стороной ладони. — Не пойти ли вам в спальню?

— Да, мальчишки, идите туда. Тут взрослые разговоры, вам незачем это слушать! — поддакнула моя матушка.

Родители предались чревоугодию. Вскоре они набили животы и затанули: «Сотня юных бойцов, из буденовских войск...» — получалось вразнобой, но душевно. Пение утомило, и родственнички пустились в пляс. Весело щебетала на иностранном языке радиола.

— Как под такие песни можно плясать? — искренне возмутился Ларик. — То ли дело «Валенки, да валенки».

Он с чувством изобразил, как выкаблучивается его пьяный дедушка. Заглянула Кирюхина мать. Взмыленная, с ослепевшими глазами, она напоминала загнанную лошадь.

— Ребята, кушать хотите? Может, дать чего?

— Только сладкого! — Ларик ковырнул в носу.

Она пропала и сразу появилась, расцеловала нас жирными губами и сунула кулек с деликатесами. Мы играли в солдатиков, в шашки и уже хотели подраться, как в гостиную началась возня.

— Вы нас не ждите, поиграете и спать ложитесь! Мы на площадь и к Ложкиным зайдем! — обрадовала нас моя мама.

Родители потолкались в прихожей и испарились.

Кирюха по-хозяйски сел за стол, Ларик вытер рукавом соплю и потянулся за соленым огурцом.

— Наливай! — развязно сказал он, шмыгая носом.

В отсутствие взрослых мы выглядели не хуже их, а чем-то даже и лучше. Слава богу, родители об этом не догадывались. Кирюха слил недопитую водку из стопок в бокал, а затем разделил на троих. Каждому досталось граммов по двадцать. Ларик выдохнул и опустил в рюмку свой бесподобно-длинный язык.

— Фу, гадость! Как они ее пьют? Лимонад в сто раз вкуснее!

— Пей, а то так и останешься недоразвитым! — Кирюха сделал глоток и поперхнулся.

На его глазах выступили слезы. Изображая пьяного, он вытащил из оставленной на столе пачки папироску. Ларик чокнулся со мной, и мы хлебнули взрослой жизни. Вонючая, противная на вкус жидкость обожгла глотку. С трудом вздохнув, я запил ее компотом. Ларик гнусавил, растягивая слова:

— Шура, ты меня уважаешь? — Он полез целоваться.

Лобызаться с сопливым собутыльником не хотелось, к тому же я не опьянел. А может, просто не понял этого. Освободившись от объятий, я забрался на кровать с панцирной сеткой. Прыжки на ней доставляли ни с чем несравнимое удовольствие. До потолка было рукой подать, хотелось взлететь как можно выше. Родительское ложе стонало, не подозревая,

что на нем совершается не то, к чему оно привыкло. Ларик откинулся на спинку стула и запел голосом забулдыги. Между словами он делал паузы и икал.

— У Печоры, у реки, где живут оленеводы...

Кирюха подсел к нему, подпер щеку рукой и пытался выжать из себя запретные слова. Стоило с губ слететь первому слогу, как Кирюха начинал озираться, — береженного бог бережет!

— Моя-то — что учудила, представляешь?! — Ларик оборвал пение. — Нашла заначку и давай гундосить, мол, козынка ей газовая нужна, а я деньги замылил!

— Все бабы одинаковы! — Кирюха уронил на стол голову.

Ларик потрепал его по плечу. Приятель не реагировал. Тогда, опираясь о стену, Ларик пошел в туалет. В коридоре он упал и выругался матом. Такой дерзости от него мы не ожидали. Кирюха с восхищением смотрел на героя. Я спрыгнул с кровати и выскочил в прихожую. Ларик закатил глаза так, что остались одни бельма.

— Вообще ноги не держат! Зинка, сука, дай горшок!

Зинки рядом не оказалось. Мы с Кирюхой помогли товарищу подняться. Он повис на наших хилых плечах. Мало-выразительный взгляд Ложкина увяз в зеркале. Ларик оценивал себя со стороны.

— Оставьте меня, мужики, я в тоске великой!

Он притворно икнул и поспешил упасть снова.

Клацнул замок. Ложкин моментально отрезвел, пустил из ноздри порцию киселя и скрылся в комнате. Ларик улегся на

кровать и прикинулся спящим. Мы с Кирюхой последовали его примеру.

— Даже будить неохота! — прошептала тетя Зина. — Сынуля, просыпайся, маленький. Домой пойдем!

Потирая глаза, Ларик зевнул и присел на кровати. Следом за Ложкиным «разбудили» нас с Кирюхой. Когда друзей увели, я перебрался в спальню. Мысль, что отец обнаружит исчезновение недопитой водки, страшила. Но эта мелочь не привлекла его внимания. Утром под елкой меня поджидал заводной грузовик. Дабы не лишиться водительских прав, со спиртным пришлось на время завязать.

III

Первого сентября по дороге в школу я пинал консервную банку. Она кувыркалась по тротуару, смачно гроыхала и вызывала недовольство прохожих. В конце концов, я запустил ее в кусты: «Футболом много не заработаешь!» — как же я ошибался!

На торжественной линейке нравоучительно звучала речь завуча о пользе образования и широких перспективах, которые оно открывает. В метре от меня стояла новенькая ученица. Ее голову украшали косички, закрученные в толстые баранки. Девочка настолько мило выглядела, что мои мозги озарила ошеломительная мысль: надо срочно жениться! Я осторожно приблизился и огрел будущую супругу портфелем. В ответ она треснула меня так, что конопушки осыпались на асфальт. В этот миг я отчетливо понял смысл пого-

ворки: «От любви до ненависти — один шаг».

Интерес к барышне проявил не только я. К огромному сожалению, конкурентом в борьбе за руку и сердце оказался второгодник Кашин. Соперничество набирало обороты. Чтобы устранить недоразумения, пришлось выяснять отношения на пустыре за школой. Мы украсили друг друга «фонарями», но согласия так и не достигли. Более того, наши взаимоотношения приобрели статус войны — затяжной и бескомпромиссной.

Бросив портфель у порога, я прошмыгнул на кухню. Мать посмотрела в мои «подведенные» глаза и спросила, что стряслось.

— Женюсь скоро! — похвастал я и обнял растерявшуюся родительницу. — Надо бы список приглашенных составить.

— Господи, кого я родила?! Жениться во втором классе вздумал! Где жить-то будете? — Мать потрепала меня по вихрам.

— В спальне! Она будет помогать тебе по хозяйству и делать за меня уроки! — ответил я, интуитивно чувствуя одобрение матери.

Оставалось убедить отца, он должен был вот-вот вернуться с трудовой вахты. Без его благословения я считал брачный союз недействительным. Моя любовь прыгала через скакалку и не имела представления, что ей уготовано судьбой. Грядущее счастье в личной жизни приходилось отстаивать в кровопролитных битвах с умственно отсталым Кашиным.

Синяки на моем лице обновлялись и меняли дислокацию. Несмотря на боевые действия и угрозу жизни, я продолжал ухлестывать за своей избранницей — дергал за косы и щипал. Она всячески избегала общения. Глупа еще! — полагал я. Пусть немного поумнеет, женюсь попозже! Но фортуна заложила крутой вираж — невеста укатила с родителями на Крайний Север и осталась старой девой.

IV

В полумраке подъезда я увидел нечто. Оно валялось под батареей и магнитом притягивало взгляд. Борьба с искушением не дала положительных результатов: сигаретный «бычок» насмерть забодал мою силу воли. Я отряхнул фильтр от соринок и закурил. Клубы едкого дыма ободрали глотку, из ноздрей вырвались ядовитые струи. Глаза мои скатились в кучу, и я заметил, что повзрослел сантиметров на двадцать. Во всяком случае, мне так показалось. Ноги стали ватными и плохо слушались. Поднимаясь по лестнице, приходилось цепляться за перила.

— Ну-ка дыхни! — приказала мать, негодуя, глядя на меня.

Подзатыльник умножил шум в голове. Сантиметры, на которые удалось подрасти, тут же исчезли, прихватив с собой еще с десятков. Я снова стал маленьким и щуплым.

— Почисть зубы! Совсем от рук отбился!

Размазывая по зубам горький «Помарин», я мечтал скорее стать взрослым и независимым.

— Все равно пахнет! — Мать обреченно вздохнула.

Я схватил тощий портфель и побрел за знаниями. Малолетний Ильич с укором выглядывал из октябрятской звездочки. Он стыдился висеть на моей прокуренной груди, то и дело отстегивался и норовил сбежать в «Разлив». Пришлось его отцепить и спрятать в карман. У школы я приколотл значок на место — без «аусвайса» к занятиям не допускали.

Сосед по парте, Юрка Крунин, заговорщицки подмигнул, оглянулся и шепнул мне на ухо:

— Сегодня конфет нажремся! Перед уроками я похвалился, что мне подарили попугая, но болтает он только за гостинцы!

После занятий весь класс двинулся к Крунину.

— Ждите здесь, — сказал Юрка. — Попугай при скоплении народа теряет дар речи. Я его с балкона покажу.

Мы собрали сладости и поднялись к нему домой.

— Ну, показывай попугая! — сказал я.

— Ты что, не понял? У меня его нет! — Юрка вылез в форточку. — Попугай спит! — Одноклассники загалдели и разбрелись.

Учиться не хотелось. «Многие знания порождают печали великие!» — любила говорить моя бабка, забывшая азбуку.

— Писать, считать умеем. Этого достаточно, чтобы получить зарплату и расписаться! Пойдем, как дядя Гриша, грузчиками работать. Вон у него какие мышцы отросли, любого инженеришку за пояс заткнет или в бараний рог скрутит!

Мы с Юркой и Вовкой Булкиным — еще одним олухом из нашего класса — дали клятву: принципиально не получать пятерки. А кто из нас нарушит слово, тот будет нещадно бит. На уроке пения Булкин забылся и старательно вытягивал: «Раненная птица в руки не давалась...» Слушая «плач Ярославны», я отчетливо видел, как предатель наматывает на кулак красные сопли. Учительница сравнила Булкина с Робертино Лоретти и поставила запрещенную оценку. Участь Вовы была решена! После школы солист погорелого театра дал стрекача. Мы гнались за ним до помойки. Но он не курил и бегал, как сайгак. Пришлось запустить ему вдогонку осколок кирпича.

Перед звонком завуч за уши заволокла меня и Юрку в класс. Коллектив презрительно молчал. У своей парты, гордо подняв забинтованный кокон, стоял великомученик Булкин. От его повязки исходило ослепительное сияние. Казалось, будто вокруг головы сверкает нимб. Нам впаили по «неуду» за поведение и вызвали родителей на педсовет. Завуч дала команду «отбой». Класс хлопнул крышками парт и приступил к изучению родной речи, ненормативным вариантом которой мы с Юркой владели в совершенстве.

Листва пожелтела, но еще крепко держалась на ветках. Теплая осень не сдавала позиций. После школы мы носились по двору, гоняли мяч или лазали на чердак за голубями. Както в воскресный день к нам подошел Валерка. Он был старше нас на год и считался во дворе заводилой. Многие роди-

тели категорически запрещали с ним дружить, но мало кто из нас слушал их наставления. С Валеркой было интересно, он умел ловить синиц и знал абсолютно все.

— Пацаны, айда из «мухобоя» стрелять! — предложил он; под Валеркиной рубашкой просматривался самодельный пистолет. — Вчера весь день мастерил!

Мы побежали в карьер за домами, надеясь, что и нам выпадет счастье пальнуть из самодельной волюны. Витька по кличке Жиртрест внимательно рассмотрел самострел.

— Ха-ха! У него ствол кривой! Хрен куда попадешь!

— Снимай штаны. Если промажу, ты мне сто щелбанов! — предложил Валерка.

Витькина задница ехидно уставилась в лицо смерти. Я представил, как она стрельнула первой и наповал сразила Валерку. Хозяин «мухобоя» отсчитал десять шагов, чиркнул коробком об спичку, прижатую к отверстию в стволе. Бабахнуло прилично! Жиртрест, путаясь в приспущенных штанах, пробежал пару метров и упал в лужу. После этого случая Витька перестал с нами разговаривать. Дробина из его задницы вылезла самостоятельно, без врачебного вмешательства, но отношения испортились надолго — недели на полторы.

Небо все чаще хмурилось, sprыскивая городок водяной пылью. Я смотрел в окошко на чавкающие грязью самосвалы и мечтал о скорейшем приходе зимы. С нетерпением ждали ее и войлочные башмаки «прощай молодость», заблаговре-

менно приобретенные для меня матушкой.

V

Зима пришла ночью, осторожно ступая пушистыми лапами по окоченевшим тротуарам. Ее белоснежный покров спрятал под собой осеннюю слякоть. Довольный ее приходом, я нацепил боты и выскочил во двор. На снежную бабу материала не хватило. Слепив из манны небесной пушечное ядро, я прицелился и попал в почерневший тополь. От смертельной раны тот скончался стоя, но никто этого не заметил. Вот если бы он грохнулся и раздавил соседский «жигуль»! Тогда бы крику было как на похоронах.

Сверкая новыми галошами, подбежал Валерка.

— Сантей, мне на день рождения обалденную пушку подарили. Пошли ко мне, постреляем в солдатиков.

«Отчего же не пострелять, коли приглашают?!» — подумал я. У Валерки мне раньше бывать не доводилось. Аккуратно разувшись — один ботинок остался лежать у двери, другой долетел до зала — я сбросил пальтишко и поспешил к месту боевых действий.

То, что находилось в комнате, вынудило забыть об убийстве оловянных гвардейцев — в углу стояло настоящее пианино. У меня имелся опыт игры одним пальцем, но это было давно, в детском саду, и пианино было игрушечным, а здесь... Я подошел к инструменту, приподнял крышку и ударил по клавише. Волшебный звук заполнил все вокруг. Утонув в затухающей волне, я забыл цель визита и стал музицировать двумя руками. Ко мне присоединился Валерка. Дом замер в ожидании катастрофы.

При первых аккордах бюстик Петра Ильича ожил и пополз по гладкой поверхности пианино. Казалось, что он пританцовывает и хочет что-то сказать. В советах мы не нуждались, на нас снизошло вдохновение. Одну мелодию сменяла другая, еще более красивая и торжественная. Валерка играл то обыкновенно, то демонстрировал редкое мастерство и выбивал мелодию кулаками, а потом и вовсе подключил задницу.

— Может, ноты поставим? — предложил он, утирая пот.
— На кой ляд они нам? С ними только неучи играют!

Я поплевал на руки и с остервенением продолжил музицировать. В самый разгар концерта, когда озарения сходили одно за другим, в квартиру ворвалась разгневанная сестра Валерки. Шлепая толстыми губами, она предприняла попытку задуть вспышку гениальности. Что тут скажешь? Посредственные люди всегда завидуют одаренным и стараются

нагадить им любым способом. Валерка возразил. Бюст Чайковского полетел в сестрицу со скоростью света, ударился об косяк и закатился под полку с обувью. Сестра исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Играли мы великолепно. По батареям азартно барабанили соседи. Подыгрывая нам, они стремились присосаться к чужой славе самым примитивным образом. Из небытия нарисовался Валеркин папаша: человек невоспитанный, далекий от искусства. Он пинком придал сыну такое ускорение, что тот преодолел земное притяжение. В воздухе пахнуло грозой. Быстренько накинув пальтишко, я выскочил из квартиры. Предсмертный крик музыканта застыл в моих ушах. Моцарта не отравили, его запороли ремнем, но история об этом стыдливо умалчивает. По дороге к дому внутренний голос подсказывал мне: «Музыка — твоё призвание, Сашка. Скажи родителям, пусть купят рояль!»

Хлебая щи, я крутанул ручку радио. Из динамика хлынула шестая симфония Шостаковича. Стало очевидно, что до нас с Валеркой Дмитрию Дмитриевичу, ой как далеко!

VI

На улице стояли холода. Морозить сопли с хоккейной клюшкой желания не возникало. Чтобы не скучать, я отправился к Юрке Крунину. Он приветствовал меня жестом патриция.

— Вчера мать кактус притащила. Говорит, он цветет раз в двести лет! Вот бы посмотреть, какие у него пестики, ты-

чинки!

Из горшка торчал покрытый колючками сплюснутый огурец.

— Судя по его размерам, ты до его цветения не доживешь!
— обрадовал я товарища.

— Может, землю удобрить, чтоб быстрее вырос? — задумался юный мичуринец и почесал за ухом.

Тут у меня родилась идея.

— Давай его мясным бульоном поливать. В нем все полезные вещества есть, мне мать говорила!

Юрка задумчиво посмотрел на кактус.

— Неплохая мысль. Он же не верблюд, чтоб одной водой питаться, ему витамины нужны!

Юрка усердно подкармливал кактус шами, куриным бульоном и киселем. Среди недели я навестил его. Неприятный запахок подсказывал, что пора объявлять траур.

— У тебя где-то мышка сдохла!

— Мать тоже принохивается. Понять не может, откуда несет?!

— А кактус как, растет? Скоро, поди, как баобаб вымахает!

— Незаметно что-то. Желтеть начал! — Юрка вздохнул.
— Это не мышка, это от него воняет!

Мы ковырнули жирную землю. Потревоженные нами червячки недовольно извивались. Они уже обжились и заводили семьи.

— Фу, какая гадость! Это от них вонь! — подытожил ботаник.

— Да уж, развел ты антисанитарию! Давай этих глистов лекарствами отравим! Таблетки растолчем и с водой размешаем.

Лечебные процедуру уколошили кактус окончательно. Его колючки уже не торчали в разные стороны, а сникли и не выражали стремления к жизни. Червячки не сдохли. Видимо, у них был хороший иммунитет. Запах в квартире становился гуще.

В воскресенье потеплело. Мы с пацанами гоняли шайбу по укатанной машинами дороге. Дверь подъезда хлопнула, вышел Юрка. Он держал горшок с трупом кактуса. Я подбежал, чтобы посочувствовать и выразить соболезнования.

— Все, помер! Mamka говорит, что протух. Только от чего — понять не может. Я не стал ей говорить, что он отравился, а то б она мне шею намылила!

— Зато теперь дома вонять не будет! — успокоил я его.

Юрка похоронил кактус в мусорном баке и встал на ворота. Ботаника нас с тех пор не увлекала.

VII

Каникулы только начались, и наслаждение от долгожданной свободы опьяняло разум. Хотелось нежиться в кровати до самого вечера, но в дверь постучали. На пороге тяжело дышал Юрка.

— Дрыхнешь?! Сейчас Жиртрест в космонавты готовить-

ся будет! Одевайся, у оврага уже весь двор собрался!

Игнорировать акцию глобального масштаба было нелепо. Я натянул трико с рубашкой и рванул к месту запланированных испытаний. У края оврага стояла огромная деревянная кадушка. Из нее выглядывал матрас, найденный на помойке. Разводы на нем красноречиво свидетельствовали о подмоченной репутации. Около «центрифуги» толкались Валерка и будущий покоритель космоса. Другие пацаны стояли в сторонке и дымили окурками.

— Ну что, по машинам! — скомандовал Валерка.

Жиртрест кое-как уместился в экспериментальной капсуле, мы помогли ему расправить подушку безопасности.

— Эх, и воняет! — сморщил нос испытатель. — Запускайте!

Юрка с Валеркой опрокинули кадушку и столкнули ее с откоса. Она летела вниз, набирая скорость и подскакивая на ухабах. Мы бросились вдогонку. Сминая кусты, экспериментальная капсула пролетела метров двадцать и замерла на дне оврага, из ее чрева выполз будущий покоритель вселенной. Он напоминал пьяного Диогена. Стоило Витьке встать, как его повело в сторону, и он упал. Испытатель присел, окинул шальным взглядом окруживших его друзей и попробовал подняться. Попытка не удалась: Земля продолжала бежать по орбите.

— Вестибулярный аппарат никудышный! — подвел неутешительный итог Юрка. — Придется усложнить тренировки!

— Не, я больше не могу. Тошнит! — Витька растянулся на траве и закрыл глаза. — Шофером буду, как батя!

— А болтал: «Вы меня по телевизору смотреть будете! В космос улечу!», балабол жирный! Иди, штаны переодевай, Гагарин!

Валерка сменил тон и голосом диктора объявил:

— Говорит и показывает Москва! Товарищи, сегодня утром, проходя испытания в центрифуге, летчик-космонавт Витька Жиртрест справил под себя нужду и принял решение поддержать трудовой почин отца — стать говновозом!

— Пацаны, — мямлил Витька. — Айда на речку! Пока дойдем, штаны высохнут! Только никому не говорите. Я вам за это килограмм ирисок куплю!

— За килограмм ирисок мы скажем, что ты в кадушке до Лукьяновки докатился, где был встречен хлебом и солью.

Юрка вытащил из кармана папироску, прикурил и пустил ее по кругу. Мы не спеша отправились к речке. Жиртрест плелся сзади, соображая, где взять рубль, чтобы оставить тайну мокрых штанов неразглашенной.

VIII

Пулей пролетело время. То, что детство будет вечным, уже не казалось. Класе в седьмом у девочек на груди вырос-

ли интересные бугорки. Самые впечатляющие были у Катки Мардашевой. Юрка не сдержался и потрогал их, за что был награжден оплеухой. Когда ее звон рассеялся, Юрка объявил, потирая щеку:

— Настоящие! Я думал — поролона напихала!

Все-таки несправедливо матушка-природа распорядилась в отношении сильного пола! Девчонки хорошели на глазах, мы же супротив них выглядели детьми. Сейчас это кажется смешным и несущественным, а в то время становилось не по себе. Навязчивая мысль, что взросление затормозилось, доставляла душевные страдания и порождала сомнения в полноценности.

Через год у нас появился новый ученик. Он приехал с Украины и ворковал с мягким южным акцентом. Но это — ерунда! У него росла борода! Разумеется, не такая могучая, как у Деда Мороза, но все же! Нежный пушок настойчиво пробивался на поверхность. Гриша гордился им и не сбри-вал. Вскоре он стал похож на юного бомжа. Классная руководительница сделала ему замечание. Гриша не отреагировал. Перед ним стояла цель — обрасти как Робинзон Крузо. На худой конец, отпустить буденовские усы.

Все пацаны в классе мечтали ошетиниться подобным образом и начали скоблить подбородки отцовскими станками, но ожидаемого результата не достигли. Вероятно, у Гриши развивался синдром преждевременного старения. В конце концов, терпение педагогов лопнуло. Родителей бородатого

мальчика вызвали на педсовет и приказали побрить его насильно. На следующий день он ничем не отличался от одноклассников. Но это на первый взгляд. С загадочным лицом Гриша пригласил нас в туалет, где демонстративно приспустил штаны. Мы оцепенели! Борода странным образом перекочевала в трусы. Подобного фокуса никто не ожидал!

Из памяти стерлись дурацкие тревоги. При встрече с искалеченными семейным уютом бывшими одноклассниками, я думал: как жаль, что золотое детство кануло в вечность. Время до неузнаваемости деформировало нашу внешность, поменяло приоритеты, а многих друзей и вовсе вычеркнуло из списка живущих.

БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО

Житие мое

I

Давным-давно, когда все девушки казались красивыми, а водка была дешевле и вкуснее, я отвечал в городской газете за колонку некрологов. Ежедневно соприкасаясь со смертью, я пришел к странному выводу: душевное рабство присуще человечеству с основания мира. Оно неискоренимо, ибо наша сущность нуждается в страданиях и в поиске утешителя.

И если того нет на земле, то люди обращают взор на небо. Для чего, зачем? — это другой вопрос.

Я был порабощен любовью. Порабощен страшно и неизлечимо, влюблялся в первую встречную и мысленно строил планы на будущее. Строил криво, отчего впоследствии неимоверно страдал. Приводить девушек домой я стеснялся, а те к себе — не приглашали. Чтобы стать более самостоятельным, я упорхнул из отчего гнезда и снял комнату в коммуналке.

За окном капризничала осень, плескалась в багряно-бронзовых лужах. Красиво, романтично, но угрюмо. С растерзанной душой и без каких-либо планов на будущее я лежал на мятых простынях. Скорее всего, наступала депрессия. Бедный я и несчастный, брошенный и забытый. Аграфена свинтила ночью, а ведь божилась, клялась в верности. Говорила, что никогда и ни за какие коврижки не бросит меня, не оставит. Выходит, врала. Врала искренне и регулярно. Врала о том, что она тоже бедная и никому ненужная правильная девочка. Терпеть не могу правильных людишек. От них всегда ждешь какой-нибудь гадости. А ведь у нас могла бы получиться идеально-бедная семья!

Натянутое на голову одеяло отгородило меня от неизбежного рассвета крошечной мглой. Потихоньку стала оживать квартира, слышалось шарканье тапок и сопение в коридоре. Какого черта людям не спится, сегодня же воскресенье! Дверь в комнату открылась без приглашения; кашель соседа сдул с моего черепа гробовую крышку из верблюжьей шерсти. Что надо этому старику в столь ранний час? Неужели он не понимает, что тревожить спящего человека бестактно. Сосед блестел как надраенный самовар, пыхтел и торопился высказаться. Боялся, что его вечная память даст сбой, и он забудет сообщить нечто важное. Наконец он разродился:

— Представляешь! — Он надулся от гордости. Эмоции распирали его так, что в любой момент могло сорвать клапан. Нет, я не боялся смрада. Мясокомбинат, куда я забежал к приятелю за вырезкой или колбасой, напрочь атрофировал обоняние. Судя по цветущему виду Николая Семеныча, комната после физиологического конфуза заблагоухала бы «Ландышем серебристым» или «Ночной фиалкой». На худой конец — «Красной Москвой», но этого не произошло: непрошенный гость сдержался.

— Представляешь, — повторил он, захлебываясь. — Дениска, внучок мой, вчера сказку сочинил. Ага, сказку! Про кашку! Ну, как тебе это?!

Николай Семеныч пописывал в детскую рубрику нашей газеты истории про оторванные собачьи хвосты, про говоря-

щие дырочки, про буквы, бегающие по тетрадным листам. Мне казалось, он тайно и довольно сильно выпивал. Ничего удивительного в том, что извращенные фантазии деда-литератора передались внуку, не наблюдалось. Я представил живую какашку и ее маленьких детей, сидевших за обеденным столом. Бог ты мой, куда катится мир?!

— Понимаете, от меня Груша ушла, — перебил я, посвящая соседа в горькие тайны и желая быстрее от него отделаться.

Он меня не понял, задумчиво покрутил в руках забытый Грушей лифчик.

— Какая Груша, дорогой мой?! Тут какашка! Понимаешь, живая, говорящая какашка! В пять лет — про какашку! Это же гениально! Гениально!

Николай Семеныч всплеснул руками и выскочил из комнаты. Было слышно, как он делился новостью с Серафимой Петровной, ветераном самогоноварения. Та ахала, охала и восторженно громыкала кастрюлями.

Весь день я провел в постели, вспоминал Грушу, мысленно поливая грязью, замешанной на ревности. «Ну вот, братец, ты и стал свободен!» — успокаивал я себя, понимая, что абсолютной свободы не существует: человек всегда отчего-то зависит. Хотя бы от обстоятельств. Так я и лежал, умоляя Бога об апокалипсисе. Казалось, лишь катастрофа глобального масштаба заморозит мою боль. Господь, как всегда, оказался глух. Ничего сверхъестественного не произо-

шло: Земля не остановилась и Солнце не погасло. Совсем расстроенный я взял газету. «Беременная женщина приняла участие в массовом побоище в Томске. В результате — участники конфликта получили телесные повреждения. Из автомобиля будущей мамы изъята бейсбольная бита», — значит, не все потеряно, остались еще женщины в русских селениях! Или вот: «Женщина в Шереметьево уехала за чемоданом на багажной ленте», — тоже неплохо! Разве заокеанские или европейские гражданки додумались бы до такого? Никогда! Они же слабоумные! А мне не везет, не везет... Может, Агрофена — немка или, того хуже, — американка? Так и уснул, измученный догадками и подозрениями.

Утром позвонил в поликлинику и вызвал врача: требовался трехдневный перекур, чтобы успокоить разболтанные нервы. Казалось, что за дверью постоянно отирается Серафима Петровна. Хотя, почему казалось? Нюансы человеческой жизни лучше всего видны в замочную скважину. Самогонщица вероятно следила за мной из лучших побуждений. Возможно, она хотела чем-нибудь помочь. Уж кто-кто, а эта старая гримза отлично знала: управлять настроением легко, особенно с помощью алкоголя. Я бы с радостью выпил, но врач... Он же не поймет, не оценит масштаб постигшей меня трагедии. И тогда прощай больничный лист!

Ближе к вечеру нарисовался архаровец в плаще до пят и шляпе «Аль Капоне». Он с безразличием осмотрел комнату и спросил у книжного шкафа: «На что жалуетесь?» После

этого полез в портфель из «крокодиловой» кожи. «Сейчас он достанет наган и одним выстрелом решит все проблемы», — подумал я, но ошибся. Доктор вытащил фонендоскоп.

— Дышите глубже! — приказал он, и мои легкие засветили как кузнечные меха.

Доктор нахмурился и померил давление.

— Побойтесь бога, вас в космос можно отправлять, а вы людей от дела отрываете! Сейчас какая-нибудь старуха умирает, а я тут с вами кувыркаюсь!

Затаив дыхание, за дверью умирала Серафима Петровна. Катастрофически испорченный интеллектом, я философски ответил:

— Что делать? Общество свято чтит библейские законы и свято их нарушает. Больничный, значит, не дадите?

Архаровец в черном плаще изумленно посмотрел в мои глаза и нахлобучил шляпу.

— Ну, вы и хам! — сказал он на прощание.

Хорошо, что он не окрестил меня симулянтом, а то пришлось бы сгореть от стыда. В тот же вечер я напился. Серафима Петровна поначалу хотела проявить альтруизм, но воображаемый звон монет заглушил голос ее совести. Пришлось раскошелиться.

У стола вертелся пятилетний сказитель и бессовестно таскал из банки маринованные огурчики. Его причмокивания напоминали Грушины поцелуи, оставившие глубокие ожоги на моей душе. Голова у Дениски была большая, и огурцы ис-

чезали в ней, как в бездонной бочке. Хотелось прогнать пацана, но вместо этого я посадил его к себе на колено.

— Ну что, Дениска, расскажешь сказку?

Малец оживился и проглотил еще один огурец.

— Про какашку?

— Про нее самую. — Я грустно усмехнулся.

Дениска сполз с коленки и встал посреди кухни. Весь его вид говорил о том, что сейчас он откроет страшную тайну, о которой я никогда не подозревал.

— Жила-была какашка, — торжественно начал он, — и звали ее Грушенька!

II

Однажды у меня умерла бабушка — старая была — и закопать ее просто так, без гроба и всяких увеселительных поминок, не составило бы особого труда. Никто бы и не чухнулся. Но сердечность, живущая во мне, твердила, что это неправильно, что все нужно сделать по-людски. И я пошел выбирать гроб.

Похоронное бюро находилось на городской окраине, в густой тополиной рощице и не привлекало внимания. Раньше в этом помещении квартировал банно-прачечный трест, но во время перестройки заведение поменяло статус и превратилось из «рабоче-крестьянской купальни» в стартовую площадку на тот свет. Центральный вход представлял собой три арки с огромными скрипучими дверями; на задворках гранили памятники, и было слышно, как истошно визжит фре-

за. От ее визга мерещились страдания мучеников, угодивших в ад.

В похоронном бюро дышалось легко, будто работали кондicionеры, о которых в ту пору у нас только слышали. Тишина и торжественная обстановка вынуждали вести себя подобающе. На стенах висели симпатичные венки стоимостью от сотни — до несколько тысяч. Гробов я не увидел, они хранились в подсобке. Встретила меня очень крупная тетка в роговых очках с крупным начесом на квадратной голове. Я еще подумал, какой же понадобится гроб, если не приведет бог, с ней что-нибудь случится.

— Зина, покажи клиенту гроб, мне некогда! — распорядилась тетка с квадратной головой, запыхтела и бульдозером покатила по коридору.

Миловидная, очень маленькая и аппетитная Зина в строгом костюмчике с дешевой брошкой на блузке вызвала во мне желание, не соответствующее профилю заведения.

— Пойдемте, — еле слышно сказала она и коснулась моего локтя тонкими прозрачными пальцами.

Я глядел на эти пальцы и думал, что в них совсем не осталось жизни. Что они принадлежат воскресшему покойнику, работающему тут по случаю, и способны только указывать на товар.

Мы ходили между стеллажами и подбирали гроб, в котором навеки упокоится моя бабушка. Пахло сосновой доской и какой-то дрянью. Кажется — смертью. Я был капризен и боялся, что бабушка не поместится в предлагаемый ящик,

или, наоборот, будет чересчур свободно чувствовать себя в нем.

— Давайте сделаем на заказ! Помните габариты усопшей? — спросила Зина. — Если поставить мужикам литр водки, они сколотят гроб к вечеру.

На том и порешили.

— Мы работаем до восьми. Жаркие нынче денечки, народ мрет пачками. Подъезжайте к крыльцу. Посигналите, я встречу.

Так началось наше знакомство, полное страсти, бессонных ночей и щекотливых ситуаций.

Забальзамированная и переодетая во все праздничное бабушка лежала на широкой скамье, принесенной неизвестно кем и — неизвестно откуда, и не проявляла интереса к суете вокруг. Рядом с ней топтались тетушки, какие-то дряхлые старухи из музея восковых фигур — и все шептались. Бабушку по грудь скрывала белая шелковая накидка. Естественно, бабуля мечтала укрыться красным коммунистическим стягом с вышитым золотыми нитями гербом, но секретарь горкома категорически заявил, что старушка — не генеральный секретарь, обойдется и без выпендрежа. Бабушка, по известным причинам, не возражала. В скрученных бинтом руках она крепко сжимала подушечку с орденами и медалями и застенчиво втягивала беззубый рот. Смертный одр окружали венки. Смотрелось великолепно! Отпевать себя старушка категорически запретила. На памятнике она распо-

рядилась приклепать пятиконечную звезду, а не православный крест, что и было исполнено. Если бы она изъявила желание, я приклепал бы серп и молот и поставил у могилы гипсовых пионеров. Чего не сделаешь ради обретения собственных жилых метров! Но до этого не дошло.

Ближе к вечеру, когда стерегущие околевшую бабушку тетушки принялись зевать, я попросил соседа на машине, и мы рванули в похоронное бюро. Зина ждала. Она приветливо помахала прозрачной рукой и запрыгнула в кабину драндулета. Места оказалось мало, и я ощущал тепло стройных женских ног.

— Во двор заезжайте, гроб уже готов к погрузке.

Да, это было то, что нужно! Обшитый красным атласом, с черными рюшками и без креста на крышке, гроб утешал мой придиричивый взгляд. Бабушке будет славно в нем, я даже не сомневался. Вместе с соседом мы закинули похоронный футляр в кузов и уже решили ехать домой.

— Вы меня не подбросите? Автобусы так редко ходят, ждать придется минут сорок.

Я распахнул дверку грузовика, и Зина впорхнула в мою жизнь той дорогой бабочкой, за которой лепидоптерофилы забираются к черту на куличики. Всю дорогу она рассказывала про какого-то баскетболиста, которому пришлось делать гроб больше двух метров. Наконец мы подъехали по указанному адресу. Зина взяла меня за руку и предложила выпить чаю.

— А как же гроб? — удивился я, искренне желая остаться.

— Пусть сосед отвезет. Он же его не украдет. На кой черт ему бабушкин гроб, правда?! — Зина засмеялась и потащила меня в одноэтажный финский коттедж.

Я слышал ворчание соседа, обиженный плач допотопного грузовика, но мне уже было не до этого: впереди ждали домашнее печенье и чай!

Зина жила скромно. Ничего, кроме дивана, журнального столика и книжного шкафа внутри коттеджа не было.

— Муж на Севере и вернется в конце следующей субботы. Смело располагайтесь на кухне, включайте чайник и хозяйничайте. А я сейчас, я быстро.

Из ванной доносился шум воды. Вскоре появилась и Зина в коротком домашнем халатике и с махровой чалмой на голове. Она догадывалась, что я наблюдаю за ней; пикантно наклонялась, а к настенному шкафчику тянулась с таким рвением, что ее голые ягодицы ослепили меня и лишили рассудка. Чай мы пить не стали. Зачем пить чай, если наклевывается более симпатичное занятие? Такое же обжигающее, только гораздо слаще.

Шторы были задернуты, свет погашен. В полумраке Зина застелила диван и отдалась без всяких ужимок. Все происходило так естественно, будто мы знали друг друга тысячу лет. В перекурах я вспоминал о мертвой бабушке и предстоящих похоронах. Зина уловила мое настроение, не дала грустить и вовлекла в любовные забавы.

Встал я с первыми лучами солнца и весьма удивился: мы спали на абсолютно красной простыне, и даже подушка не отличалась от нее по цвету. «Надо же, — подумал я, привыкший к белому, — какая экстравагантность!» Тихонько одевшись, я покинул любвеобильный коттедж. Город еще спал и меня никто не заметил.

Бабушка, как царица, лежала в деревянном саркофаге и не обратила внимания на мое позднее возвращение. Ее щуплую грудь придавливала подушечка с орденами и медалями. Мне чудилось, что голова усопшей покоилась на свернутых в рулон похвальных грамотах, коих скопилось неимоверное множество — при жизни бабушка занимала руководящие должности. Ее предприятие всегда занимало почетные места, подопечным вручали чайные сервизы или талоны на дефицитный товар, а бабуля обрастала благородным металлом. Вокруг бабули зевали тетушки.

— Ты где шарахался? Мы ее еле в гроб запихали — с виду худая, а такая неприподъемная! — ворчала одна из проснувшихся родственников.

— На работе канализация забилась. Весь первый этаж в говне утонул. Убирали, мыли...

— Иди, помойся, пахнет от тебя.

О, малахольная! Чем от меня могло пахнуть, кроме духов Зины и пота ее ненасытного тела?

В обед приехала ритуальная машина с опущенными бортами. Стали выносить бабулю. Двери оказались узкими,

подъезд такой, что не развернешься. Мужики из ритуального агентства решили вытащить ее через окно. Бедная бабушка! Никто не додумался ее привязать, а машина к окну не подъезжала. Стали спускать, и бабуля, выронив подушечку с государственным наградом, следом вывалилась сама. Толпа замерла, кто-то заголосил, но его быстро успокоили. Бабушку уложили на законное место, стряхнули с костюма соринки и снова накрыли шелковым покрывалом. Гроб отлежался на табуретках и с задорным: «Ух, взяли!» — запрыгнул в кузов катафалка. Следом за гробом в кузов затащили пару-тройку тетушек, и траурная процессия двинулась прочь от дома. Музыки не было. То ли тетушки поскупились на музыкантов, то ли музыканты нашли более щедрого покойника. На кладбище тоже церемониться не стали. Толстый мужик с обветренной харей, размахивая рукой, отчитался о великих заслугах эмигрирующей в мир иной бабули. Гроб быстренько закопали и все рванули на поминки. Я же помчался к Зине.

Она встретила меня так, будто увидела в первый раз.

— Гробик будем заказывать, веночки выбирать?

— Зина, это же я...

— Какого черта ты сейчас приперся? Еще кто-то умер? Дуй отсюда. Приходи, когда стемнеет. — Она глянула мне за спину. — Смотри, чтоб соседи не засекли.

Странно, вчера она о соседях не думала! Завела домой так, будто и не замужем. Ладно, придется соблюдать конспирацию.

Часиков в девять, когда порядочные люди смотрели «Прожектор перестройки», к калитке коттеджа подошел горбатый старичок в допотопной шляпе и с потертым саквояжем в руке. Он позвонил, дождался, когда ему откроют, и юркнул внутрь двора.

— Ну, ты и клоун! — усмехнулся Зина. — Мог бы через другую калитку зайти, с улицы, рядом с гаражом. Бабушку похоронил? Что в портфеле? Остатки от поминок?

Чересчур много вопросов! Меня это слегка разозлило, но я сдержался.

— Пошли в дом, — отрезал я и захромал, вжившись в роль.

Зина присела на корточки и затряслась от смеха. Мне же было не до веселья: я был голоден, трезв и сексуально озабочен.

Диван, застеленный красной простыней, приготовился к забавам. В изголовье валялась красная атласная подушка. И даже пододеяльник был красного цвета. «Все люди разные, — подумал я, доставая из саквояжа грузинское вино, фрукты и копченую колбасу, позаимствованные в магазине у матери. — Одним нравится красное, другим — белое, а дальтоникам вообще плевать на цвет!» Зина принесла табуретку, рюмки и нож. Мы пили, ублажали друг друга и снова пили. За окнами висела огромная луна, придающая нашим утехам некую романтичность.

— Завтра муж приезжает. Две недели будет дома. Пере-

вахтовка у них какая-то. Хорошо, телеграмму дал, а то получилось бы «Спокойной ночи, малыши!» — обескуражила она меня, и луна сразу погасла.

В ту ночь я делал с ней, что хотел. Она не сопротивлялась, будто купала вину за незапланированный приезд супруга.

Через две недели я навестил ее в похоронном бюро, выудил нужную информацию и стал готовиться к празднику. Мне давно хотелось впечатлить ее игрой на гитаре, обрадовать чем-то необычным, шокировать дорогой покупкой. На гитаре я не играл, ничего необычного в мире нет, оставалось последнее. Когда обнаженная, с огромным мундштуком в зубах Зина сидела на красной атласной простыне, я вытащил из портфеля картонную, хорошо упакованную коробку и протянул ей. Это было дорогое французское белье. От волнения Зина уронила пепел на простыню, и пришлось проявить сноровку, чтобы на постели не осталось дыр. Дрожащими руками Зина осторожно распаковала подарок и взвизгнула от радости. Шелковые трусики и такой же бюстгальтер произвели на нее впечатление. Она их тут же примерила. Все было тип-топ!

— А зачем ты купил красный цвет? Черный намного лучше, — сказала Зина и погасила мое самодовольство.

— Мне казалось, ты любишь красный.

Зина осторожно сняла белье, спрятала в шкаф. Потом повернулась ко мне и засмеялась, трясая маленькими острыми грудями.

— Глупый! Какой же ты глупый! У нас в ритуальном бюро остаются отрезки от обивки гробов. Ну не выкидывать же их?! Я, как бухгалтер, беру себе более хорошие куски. Другие рабочие — то, что достанется. Знакомая портниха шьет из них постельное белье. Экономия, понимаешь? Мы с мужем на машину копим, приходится крутиться.

Больше я с Зиной не встречался. Я вычеркнул ее из памяти, как набившие оскомину стихи, которые застряли на одной рифме и — ни туда — ни сюда. До осени я возился с квартирой, приводил ее в божеский вид, выветривал бабушкины миазмы и прочие запахи ветхого одиночества. Заодно выбросил мебель — вплоть до посуды. Начинать жизнь стоит с чистого листа. И я начал! Закрутил шашни с соседкой. Та не блистала красотой. Если откровенно, то была страшна. Но фигура! Это — пленительная фигура Афины, только без крыльев. Как замороженный ее красотой Диоген, я мог часами мастурбировать, глядя на ее бесподобные тела. Вру для красного словца. Я завалил ее на матрац, когда квартира еще сверкала пустотой и отвечала гулким эхом. Возможно, соседка и составила бы мне компанию на длительное время, но в сентябре, когда осыпающиеся кленовые ладони отвешивали горожанам пощечины, в гости нагрянула Зина. Пришла без приглашения, как татарин. По-хозяйски заглянула в каждый уголок, поцеловала меня в лоб: «Это профессиональное!» — догадался я, и съехидничала:

— Это твоя тетушка? Неплохо сохранилась. Сделать подтяжку и можно выпускать на панель!

Соседка побледнела и навсегда покинула облюбованное гнездо.

— Муж укатил на вахту. Я поживу у тебя пару недель? Не беспокойся, все расходы беру на себя.

Я оказался слабовольным. Да что там — просто тряпкой. Во мне проснулось то, чего отродясь не проявлялось: и настоящая любовь, и нежность, и признательность. Зина не забывала любовников, она их помнила, как гробы на полках ритуального бюро. На следующий день, она купила микро-волновку — огромную роскошь по тем временам.

— Будешь горячие завтраки делать, когда я к мужу вернусь.

— Зина, это же дорого! — От стыда меня бросило в жар.

— Не беспокойся. Я сплю с директором похоронного бюро. Он рассчитывается со мной гробами. Я их поставляю в морг, а оттуда они разлетаются как горячие пирожки. Так что не забивай голову!

«Какая женщина!» — в который раз удивился я и вспомнил хозяина агентства — толстого, неопрятного и к тому же почти лысого верзилу, у которого в голове, кроме костяных счет, ничего не щелкало. Я стерпел, даже не стал лаяться — не видел смысла.

За две недели мы так привыкли к счастью, что думалось, будто Зина останется навсегда. Но она ушла. Ушла, тихо прикрыв дверь. Как уходят, боясь потревожить спящего младенца.

Вскоре Зина вернулась с хрустящими гробовыми деньгами, веселая и неотразимая. «Чего я, собственно, дергаюсь? — задавался я вопросом. — Она же не моя жена». Муж Зины прикатил раньше срока. Притащился в хлам пьяный, сел

за стол и заплакал. «Это водка в нем плачет!» — успокаивал я себя, хотя понимал, насколько ему гадко.

— Отпусти ты ее, ради бога! Ну что тебе баб мало? — Вдруг он подскочил, вытер слезы. — Хочешь, я тебе заплачу! Я не ожидал такого поворота событий и растерялся.

— Не надо! Сам подумай: не будет меня, будет другой. Тебе станет легче? Так-то ты в курсе, где она и с кем. Спокойно возишься на своей буровой...

Мои доводы слегка отрезвили его. В них скрывалась горькая истина. Муж Зины вытащил из кармана горсть мятых купюр.

— Сгоняю за водкой. Наверное, ты прав, — промямлил он и оставил меня наедине с закипающим чайником.

В это время вернулась Зина. Она уловила аромат угасшего скандала, посмотрела мне в лицо: «В чем дело?»

— Твой благоверный с Севера вернулся. Опять, поди, перевахтовка.

Зина собрала барахло и покинула квартиру. Ее муж не явился. Он прискакал через неделю. Растрепанный и жалкий. Из-под редкой шевелюры торчали огромные рога.

— Зина пропала! — всхлипнул он, сдал голову и повалился на диван.

Я знал, где она. Она зарабатывала гробы, но не говорить же об этом расстроенному супругу. Мы напились и побрались. Так мне казалось. Он пригласил меня на рыбалку, наверно, хотел утопить. Я тактично отказался. Прикорнув

на диванчике, он ушел под утро, под трели соловьев. Через неделю явилась Зина в шикарном красном платье с золотой цепочкой на шее. «Ну вот, — решил я, — теперь она шьет из похоронных отрезков наряды от кутюр!»

— Нравится? — не без гордости спросила она и несколько раз крутанулась юлой. — Знаешь, сколько оно стоит? Впрочем, зачем тебе это знать. Завтра купим телевизор «Горизонт». Говорят, там японский кинескоп.

На кой черт мне «Горизонт», если у меня есть «Темп» и радио на кухне? Но спорить с Зиной — себе дороже. Следующим вечером мы смотрели новый телевизор и восторгались насыщенностью красок. Через день купили видеоплеер.

— Твой начальник стал необычайно щедр, — уколол я Зину.

— Он редкостный жлоб. Я ворую гробы с шайкой работяг. Вот те на! Вот докатились! Еще чуть-чуть — и она станет похищать могильные плиты, а потом и самих мертвецов. А впрочем, какая мне разница кто и как зарабатывает на хлеб с маслом.

Так и жили: я — в постоянном ожидании чего-то непредсказуемого, Зина — в свое удовольствие, а ее вторая половинка — в вечных страданиях.

Стартовала зима. Новый год мы встречали втроем. У нас давно отпали вопросы: кто есть кто и с кем будет спать королева. Пока муж ошивался дома, я не имел на нее никаких прав.

Захмелевший нефтяник раздухарился и высказал давно терзавшую его мысль:

— Ты не любишь Зину. Обыкновенный альфонс. Тебе нужны ее деньги и... и...

Его слова царапнули мое самолюбие. Я схватил нож и несколько раз чиркнул по запястью. Горячая кровь, бурлящая от любви, забрызгала праздничный стол. Глупо, конечно. Однако любую глупость можно списать на пьяное недоразумение. От вида крови муж упал в обморок, Зина потащила меня к врачам. Благо клиника находилась через дорогу.

Поддатый доктор ловко штопал порезы, насвистывая: «В лесу родилась елочка...» Зина ехидно спросила:

— Скажите, он жить будет?

— Будет!

— Жаль! — Она закатилась дьявольским смехом.

Вся наша жизнь, все наши отношения и с Зиной, и с ее мужем-вахтовиком напоминали театр абсурда. Но вырваться из порочного круга не хватало ни сил, ни желания. Жизнь сгорала день за днем; мать узнала о моих «подвигах» и грозила выгнать из бабушкиной квартиры. Куда? К себе, или опять в коммуналку? Я слушал ее нравоучения с опущенной головой. Ну не драться же с ней!

В начале марта я залетел под «Жигули». Точнее они залетели под меня, но пострадали оба. Чтобы замять конфликт, водитель сам все утряс в ГАИ, а мне отвалил приличную

сумму. А как же — обе ноги сломаны и когда я встану — неизвестно. Зина навещала меня вместе с мужем и уговаривала сбежать из больницы на 8 Марта. Куда я сбегу? У меня не было даже коляски, что очень усложняло жизнь. Я стеснялся ходить в «утку» и сконфуженно наблюдал, как за мной убирают. Девятого марта я вздремнул после врачебного обхода и очнулся от громкого хлопка дверью. В палате стояла мать. Она тряслась от рыданий. Я смотрел на нее и не мог сообразить, какая беда могла выдавить слезы из прожженной работницы прилавка.

— Зина при смерти, — выдохнула мать, утирая сухие глаза. — Уксусом отравилась. Прибегал ее муж. Не знаю, откуда узнал адрес. Умолял помочь ему попасть в реанимацию.

В голове что-то лопнуло. Стало тихо-тихо, будто я упал на дно самой глубокой могилы. «Зина, Зина, чего тебе не хватало? Ты исполнила самую дикую шутку в своей жизни!»

Она умерла на третий день. Муж Зины больше не навещался. Да и какого лешего он забыл у меня?! Через два месяца я сидел у ее могилы, смотрел в смеющиеся глаза на потускневшем фото и плакал.

III

Мой друг детства Коля Клячин мотался по зачуханным городкам и весям в поисках раритетов — хобби у него было такое. Выкупит у старух за гроши древние безделушки, приведет их в порядок и сбавит музею, в коем числился реставратором. Если же повезет, то — коллекционерам за бо-

лее приличные деньги.

Однажды, после очередной вылазки Клячина в народ, мы пропивали рубли за самовар, который он слямзил у одного забулдыги. Весь вечер Коля рассказывал о жлобах, желающих получить за грошовую иконку целое состояние, о бандитах, охотящихся на скупщиков антиквариата. Я так и заснул под его монотонное брюзжание; проснулся же оттого, что музейный работник громыхал пустыми бутылками. Он по очереди подносил их к глазам, внимательно изучая на просвет, — не осталось ли там чего-нибудь, полезного для здоровья? Убедившись в отсутствии оного, Клячин с сожалением возвращал бутылки на место. За окнами, тем временем, занимался рассвет.

— Ты чего вскочил в такую рань? Воспоминания о самоваре вызывают угрызения совести? — Мой язык еле ворочался.

— Не спится, — Коля облизал пересохшие губы. — А самовар я не стырил, а взял для музея. Так сказать, для организации культурного досуга населения. — Он снова нагнулся к бутылкам. — Наверное, уеду на пару дней. Прошвырнусь по деревушкам, здоровье поправлю или расхатаю окончательно. Окончательно еще не определился. — Клячин повернулся ко мне и обреченно развел руками. — Ни капли!

Я не понимал: зачем куда-то тащиться, тем более — с бо-дуна?

— На кой тебе эти путешествия? Довести себя до скот-

ского состояния можно и здесь.

Коля посмотрел на меня, как на убогого.

— Хочется, чтоб было красиво. Я же художник в душе. Там знаешь, какие места?! Покосившиеся церквушки, избушки на курьих ножках. Там народ совсем другой — не испорченный прогрессом взаимоотношений. Во всем преобладает сермяжность. Люди общаются на другом языке. Они даже матерятся как-то по-особому! Городской интеллигент выплевывает брань с пафосом, бросая вызов обществу. Деревенские жители используют ненормативную лексику как нечто неотъемлемое. От нее не веет пошлостью. Без этих слов язык теряет мелодичность: «Там русский дух, там Русью пахнет!» — Во время лекции антиквар обыскивал квартиру.

— Вы, художники, — алкаши с извращенным восприятием мира. Чем тебя не устраивает домашняя обстановка?

— Не-е-е, — заблеял он. — Душа просит праздника, к народу тянется. Черт, помню, что оставалось...

С криком папуаса, поймавшего змею, он вытащил из-за дивана ополовиненную чекушку. Тут же разлил по стаканам. Пить не хотелось, но отказать другу я считал поступком крайне аморальным.

— С народом бухать опасно — могут побить! — заметил я.

Теплая водка застряла в глотке и просилась наружу. Удержать ее в себе стоило больших усилий. Бросив под язык щепотку соли, я дожидался, когда тошнота отступит. Слюна

— Доброе утро! Я по объявлению, — дьячком пропел похититель самоваров. — Это кирпичный завод?

На том конце провода закивали и утвердительно добавили:

— Да, это отдел по сбыту готовой продукции. Что вы хотели?

Коля оживился, складки на его лице разгладились.

— У меня к вам деловое предложение. У масонов — беда, всевидящее око ослепло. Давайте, воспользуемся благоприятным моментом и толкнем им вагон битого кирпича по цене хорошего. Прибыль пополам. Что? Да, совсем ослепло, ни черта не видит! Они, каменщики эти, стеклянный глаз офтальмологу Мулдашеву заказали.

На том конце повисла тишина. Кажется, слова Клячина произвели эффект разорвавшейся бомбы.

— Молодой человек, перестаньте морочить мозги! Вы издеваетесь что ли, или с ума сошли?!

— Как вам не стыдно? — засопел Коля. — Жаль, могли бы нехило заработать и заодно избавиться от брака.

Слышала бы этот диалог наша бывшая учительница математики! Мне вспомнился эпизод, как она вызвала Клячина к доске и предложила решить несложную задачу. Коля не проявлял интерес к точным наукам, он был скрытый гуманитарий. Педагог больно стукнула его по лбу согнутым пальцем. Раздался гулкий звук пустоты. Клячин сжался и стал похож на огрызок.

— Вот, ребята! Ученые утверждают, что человек умирает в момент смерти мозга. Я вас уверяю, что это не так. Клячин родился с мертвыми мозгами, живет и не собирается помирать! — Она тряхнула Колю так, что его голова заболталась, как у китайского болванчика. — Правду я говорю, Клячин, или нет?

— Правду, Валентина Николаевна!

Получив неуд, он облегченно вздохнул и пошел на место. Воспоминания отошли на второй план. Наступил мой черед блеснуть остроумием. Я позвонил в фирму, выводящую грызунов и тараканов.

— Алле! Это вы занимаетесь убийством братьев наших меньших? — Услышав ответ, я продолжил: — Скажите, а вы их давите тапками или морите голодом?

— У нас очень сильнодействующие препараты! — С напускной гордостью ответили убийцы домашних животных.

— Не могли бы вы уничтожить мою тещу? — Опохмеленный мозг бурлил от криминальных фантазий. — Я хорошо заплачу!

Киллеры выдержали паузу и ответили вопросом на вопрос:

— Чем она вам не угодила?

Коля выхватил трубку. Голос его дрожал, срываясь на визг.

— Мама еще в соку, но мужика у нее нет. Когда жена на работе, она постоянно домогается меня. Я устал, я больше

не могу!

Из трубки слышались гудки.

Коля слегка лукавил. К тому времени он имел за плечами три гражданских брака. Первая супруга Клячина — инфантильная коротко-стриженная дамочка — курила анашу. В состоянии эйфории она с интонацией умирающей поэтессы рассуждала о вселенной, о своем месте в ней. Коля не разделял ее увлечений, он обожал портвейн и телепередачу «В мире животных». Как-то жена выкурила больше обычного и стала доказывать, что она Аэлита. Потом ушла в себя и заблудилась. Коля сдал ее на поруки врачам.

Вторая была полиглотом, но совершенно не дружила с кулинарией. Однажды она сварила макароны, перевернула кастрюльку и стукнула по ней миниатюрным кулачком. На тарелку выпало нечто, отдаленно похожее на торт, обильно политый глазурью. «Donner-wetter!» — удивленно воскликнула она. Дело было за малым — положить в центр вишенку и начать пиршество. Как назло, вишни в доме не оказалось. Коля пошел на рынок и пропал. Между прилавками он познакомился с третьей спутницей жизни.

Света жила в частном доме на другом краю города. Румяная, с огоньком в глазах девица по утрам растягивала эспандер, упражнялась с гантелями и пила по хитрой методике перекись водорода. В ее организме клочкотала энергия вулканической лавы. Коля вел себя скромно и деликатно, дарил ромашки и читал Ахматову.

Будучи романтиком, он мечтал о возвышенном. Ему хотелось чего-нибудь чистого и непорочного. Как-то перед сном он заявил, что анальный секс помогает от запора. Света стукнула его по голове вазой. В отличие от керамического сосуда, расписанного непропорционально сложенными эллинами, Клячин остался цел, хотя и был слегка контужен. Он любил Свету, но насилия над собой простить не мог.

Духовная жажда была утолена, и мы двинули в ларек. Вокруг царил красота. Омытая дождем листва шептала о любви, в лужах плескались облака. По пути нам подвернулись две барышни. Они сидели на лавочке, как рыбаки в ожидании клева. Одна из них по конфигурации напоминала пропитый накануне самовар, другая выглядела лучше.

— Знаешь, — сказал Коля, — общество без женщин неполноценно. Предлагаю зачислить их в наш партизанский отряд.

Я проявил толерантность и не возражал. Ценитель изящности подсел к бесформенной гражданке. Не давая опомниться, он представился:

— Реставратор Клячин!

Он галантно поцеловал ручку самовара. Запыхтев, тот со свистом выпустил пар:

— Зоя, работник библиотеки!

Мне показалось, что из Зоинога рта посыпались буквы. Алфавитные знаки падали на тротуар и разбегались в разные стороны.

Я присел на краешек скамьи рядом с чугунной урной.

— А вы представитель какой профессии?

Зоина подруга посмотрела на меня и улыбнулась. Лучше бы она этого не делала — отсутствие переднего зуба чертовски портило впечатление. Ее узкая кисть с длинными тонкими пальцами напоминала вилку. Машинально воткнув ее в шевелюру, она лениво поковырялась в ней. Я ожидал, что она вытащит кусочек мозга и предложит мне продегустировать. К счастью, этого не произошло. Поправив мочалку на голове, девушка прикрыла щербатый рот ладошкой.

— Мое призвание — медицина.

«Хорошо, — подумал я. — Есть шанс не подхватить триппер!» Как выяснилось позже, и та и другая работали полкомойками в упомянутых учреждениях. Но это несколько не умоляло их достоинств, главным из которых являлась доброта. Иными словами — безотказность. Закончив быстрое знакомство, мы квадригой двинулись к намеченной цели. Наши одухотворенные физиономии так гармонично смотрелись, что со стороны могло показаться, будто две семейные пары совершают утренний променад.

У киоска Коля небрежно вытащил из кармана ворох купюр.

— «Беленькой» возьмем?

— Лучше «красного». От водки я становлюсь неадекватной. — Женщина-самовар капризно надула губки.

— «Красненького» так «красненького». Я с женщинами

нежен не по средствам. В штанах моих звенит совсем не мелочь! — перешел на стихотворный шаг Коля и, удивляясь своим талантам, засмеялся.

Зоя представила, что может там звенеть. Она мечтательно повела бровью, томно вздохнула и нарисовала в воображении колокольный язык и пару бубенчиков. Коля наклонился к окошечку. По щедрости он напоминал олигарха или арабского шейха.

— Дайте десять бутылок «Агдама», пару бутылок лимонада, рыбные фрикадельки в томате и блок «Явы».

Обратный путь оказался гораздо короче: предвкушение дикого разгула вынуждало двигаться энергичнее. Забаррикадовавшись в квартире, мы приступили к более детальному знакомству. Беззубую звали красиво и таинственно — Лаура. Мне предстояло сыграть роль Петрарки, и я стал вживаться в образ.

— Прекрасна жизнь на вид, но день единый, что долгих лет усилением ты воздвиг, вдруг по ветру развеет паутиной. — Единственное, что я помнил из опусов великого итальянца.

Лаура выслушала мою тираду с улыбкой Моны Лизы и ответила афоризмом:

— Жизнь хороша, когда пьешь не спеша!

На этом разговор о зарубежной поэзии был исчерпан, и мы перешли к классикам русской литературы. Нездоровый интерес у Зои вызывали произведения о вампирах и утопленниках. После четвертой бутылки она блеснула эрудицией. Ее глаза светились сакральной мудростью, а поднятый к потолку палец требовал внимания. Сначала она назвала автора «Мертвых душ» Гегелем, а затем его же перу приписала пьесу «На дне».

— Я про этих жмуров раза три читала! — гордо сообщила Зоя.

После откровений библиотекаря Клячин перестал закусы-

вать. Он хмелел на глазах, но силился выглядеть комильфо. Длилось это недолго. Вино победило. Упав на колени, Коля ловил расфокусированным зрением ускользающий Зоин взгляд и сулил сказочную ночь. Завороженная обещаниями любительница литературы схватила его за голову и прижала к груди. «Как бы не задохнулся!» — подумал я, но все обошлось. Тянуть резину не имело смысла, и мы пришли к консенсусу, что пора переходить к коитусу. Коля с Зоей оккупировали диван, нам с Лаурой пришлось ютиться в кресле-кровати. Было тесно, как в гробу. Прижавшись к новой знакомой, я закрыл глаза: в темноте она казалась привлекательнее. Даже пружинки ее сожженных химической завивкой волос походили на шелковистые кудряшки.

С дивана доносились сопение и тихий мат. Там что-то не получалось. По всей видимости, Коля надорвался на краже самоваров, или отравился лимонадом. В своих неудачах он винил новую знакомую:

— Чего боишься? — шипел Клячин. — Он у меня маленький!

Возмущения становились громче и агрессивнее. Распавшись, антиквар турнул любительницу Гегеля. Чтобы Зоя не сбежала, он предусмотрительно спрятал ее трусы.

— Ты со своим «малышом» в баню не ходи, не смей мужиков! — метнула колкость Зоя и переселилась на кухню.

Клячин отвернулся к стене и стал демонстративно громко зевать. Дождавшись, когда он выдохнется, мы с Лаурой

произвели стыковку. Она быстро задрожала. Ее обкусанные ногти вонзились мне в спину, оставляя кровавые борозды. Не сдерживая себя, Лаура испустила утробный стон.

— Ой, сейчас умру!

Клячин не спал. Услышав о смерти, он подскочил к нам и стал умничать.

— Если смерть наступает во время оргазма, считайте, что жизнь удалась! С точки зрения некоторых восточных религий такая кончина идеальна для реинкарнации. Разум превращается в радугу и сияет, пока не переродится в бодхисаттву или брахмана. Над вами я радуги не вижу, значит — не все так хорошо, как хотелось бы. Кстати, Поль Гоген на Таити умер подобным образом. — Не стесняясь своей наготы, Коля подошел к нам. — Товарищ Рузвельт, президент Соединенных Штатов, тоже скончался при странных обстоятельствах. Он очень долго находился наедине с очаровательной художницей, которая рисовала его портрет. Чем они там занимались на самом деле — остается тайной за семью печатями. — Он повернулся в сторону кухни. — Зоя, ты не спишь?

На кухне возмущенно загремела посуда.

— Прекращай фрондерство, иди ко мне! Ребята уже не одну брачную ночь провели, а ты все целку из себя корчишь. — Он снова обратился к нам: — Мне совестно прерывать ваши ласки, но не могли бы вы на время освободить комнату. Зоя очень комплексует, ей сложно расслабиться при по-

сторонних.

Кухня встретила нас горой посуды и отвратительно-кислым запахом. Открыв кран, Лаура стала наводить порядок. Со спины она смотрелась потрясающе. Ее упругие ягодицы заманчиво выглядывали из-под наброшенной рубашки. Загасив сигарету, я обнял ее за живот и прижал к себе. Она не сопротивлась. Из комнаты послышался наигранно испуганный голос Коли:

— Ты что, проглотила нашего ребенка?!

Мне было не до смеха. Я целовал Лауру в шею и предлагал остаться на ночь. Она согласно кивнула.

Лаура прожила у меня всю осень и зиму. Я устроил ее в типографию, чтобы она всегда была рядом. Мы вставили ей зуб, и она жутко похорошела. В ее движениях появилась кошачья мягкость, исчез вульгарный лексикон. Она чем-то напоминала мне покойную Зину и все сильнее примагничивала к себе. Мне нравилось наблюдать, как Лаура подводит глаза и, оценивая свой внешний вид, забавно корчит рожицу. Рядом с ней было уютно и тепло. Когда она задерживалась, я торчал у окна, всматриваясь в силуэты прохожих. Мы мечтали купить швейную машинку — Лаура говорила, что когда-то неплохо шила. Чтобы накопить денег, я купил керамическую кошку с прорехой между ушами. Иногда к нам навещался Клячин, рассказывал об иконописи, показывал доски с еле различимыми ликами святых и исчезал на длительное время.

История человечества прочно сшита нитями предательства и коварства. Оттого многие люди к любви и верности относятся настороженно, ища в них подвох. В поведении Лауры ничего компрометирующего я не замечал и подумывал сделать ей предложение. Я летал в облаках, строчил на тетрадных листах сентиментальные стихи, а она на них раздывала селедку. Ее непосредственность заставляла меня млеть от восторга — так поступать с поэзией могли только богини! А спать с богиней — дано не каждому!

Весной, когда взорвалась сирень, Лаура пошла в магазин и вернулась только утром. Ничего не говоря, стала собирать свои вещи.

— Что ты делаешь? Зачем? — Я схватил ее за плечи.

Она отстранилась и безразлично ответила:

— Помнишь скамейку, на которой мы познакомились? Это мое законное место. Я не рождена для серьезных отношений. Прости.

Лаура ушла из моей жизни так же внезапно, как и ее предшественница Зина. Возможно — это наваждение, но ее уход закончился для меня печально. Впрочем — все по порядку.

О любви можно написать роман и не сказать ничего, а можно поставить жирную точку, чтобы понять, какую сокрушительную силу таит в себе это чувство. С уходом Лауры мой быт исказился, как отражение в кривом зеркале. Всплески сумасбродных мыслей терзали разум, лишали сил и покоя. Память навязчиво воскрешала образ возлюбленной, ее

манеру говорить и двигаться. Я познакомился с бессонницей, безразлично смотрел на женщин и не находил той, которая могла бы погасить тоску.

Когда со мной заводили беседу, то смысл ее проносился мимо. Не понимая, о чем идет речь, я по-дурацки улыбался и кивал в ответ. Рассеянность и раздражительность неустанно преследовали меня. В конце концов, я вымотался, взял отпуск и ушел в запой. Пару раз звонил Клячину, но трубку никто не брал. Две недели беспробудного пьянства пошли на пользу. Похмельная лихорадка заставила подумать о здоровье, отеснив мысли о Лауре на второй план. Я еще вспоминал ее, но уже интересовался посторонними вещами и даже вынашивал смутные планы.

До выхода на работу оставались считанные дни. Шатаюсь по городу, я читал объявления и совершенно случайно столкнулся с Лаурой. Она улыбнулась мне одними губами, как старому знакомому, с которым когда-то жили по-соседству. Подведенные глаза не выражали ничего, кроме равнодушия. Лаура очень изменилась: перстенок на пальце, прическа, дорогое платье.

— Привет! Как дела? Ну что ты молчишь, язык проглотил?

От волнения свело челюсти. Я открыл рот и не узнал свой голос. Хрипловатый баритон дребезжал велосипедным звонком.

— Давай, выпьем по чашечке кофе? За углом уличное ка-

фе открыли, — я боялся, что она откажет, но Лаура согласилась.

Мы расположились под цветным матерчатым навесом. Не зная с чего начать, я вливал в себя чашку за чашкой.

— Ты притащил меня сюда, чтобы я засвидетельствовала твою смерть от кофейной передозировки?

Смущение овладело мной. Хотелось сказать Лауре о том, что происходит в душе. О месте, которое она в ней занимает. Но я понес околесицу.

— Знаешь, я стал настолько разборчив в еде, что меня можно причислить к гурманам. А ведь было время, когда ел траву!

— Траву? Не могу поверить! Зачем?

— Мне было тогда лет пять. Бабушка приятеля открыла нам великую тайну. Оказывается, все быки обладают феноменальной силой из-за того, что питаются растительной пищей. Судя по массивной фигуре и сумкам, которые старушка таскала, она питалась исключительно силосом. Тянуть резину не имело смысла, надо было действовать. На улице мы с дружкой забежали за дом и опустились на четвереньки. Эволюция повернула вспять. Обглодав небольшой участок газона, мы решили, что лучше оставаться хилыми, чем давиться травой ради богатырского здоровья.

Лаура смотрела на меня огромными глазами. Ее пухлые губы выгнулись полумесяцем. Боже, как я ее хотел! Язык же, вместо комплиментов, продолжил грязную работу.

— Это еще что?! — развил я начатую тему. — Любимым занятием девочек в детском саду было приготовление куличей. Они лепили их из влажного песка. Лакомства в виде звездочек, подков и цветочков радовали глаз. С видом хозяйшек девочки приглашали мальчишек отведать их стряпню. Все отказывались. Лишь я не смог оставить без внимания труды будущих кондитеров и сдуру слопал пару брикетов. Песок скрипел на зубах. Будучи прекрасно воспитан, я не подал виду, что кулинары из девочек — хреновые. Наоборот, в доказательство потрясающего вкуса облизал пальцы. Поблагодарив девочек за угощение, я убежал играть с ребятами. Ближе к вечеру меня скрутило. Кто-то из детей наступал воспитателю о песочной трапезе. Меня потащили в кабинет медсестры. Постучав по вздутому животу, тетка в белом халате извлекла из стеклянного шкафа резиновую грушу и приказала снять штаны. Сгорая от стыда, я заплакал...

Лаура погладила меня по плечу. От ее прикосновения я взмок. Если бы она догадывалась, как хотелось поцеловать ее руку.

— Все, мне пора! Заходи в гости, Николай будет рад. Он хотел позвонить, но не решился.

Меня словно окатили ушатом ледяной воды.

— Хорошо, заскочу! — выдавил я, зная, что никогда не переступлю порог их дома.

IV

На душе скребли кошки. Я проводил Лауру до угла и не

знал, куда податься. Ноги завели в сквер. «Вот тебе и Клячин! Надо же, какие кульбиты вытворяет жизнь!» — поражаюсь я, присев на скамью. Мое скорбное одиночество нарушил гражданин из категории «Они позорят наш город!» Судя по брюху, он проглотил глобус — из расстегнутой ширилки свисала вялая земная ось. Мужика одолевала жажда общения, и ему требовался умный собеседник.

— На-ка, глотни! — Он протянул бутылку.

Хмель слегка заретушировал образ Лауры. Незаметно водка закончилась. Пришлось сгонять за добавкой.

— Давай навестим порядочных женщин! Есть тут одна, она не откажет! — Мужик по-братски обнял меня и натужно засопел.

Предложение выглядело заманчиво. Мои зрачки мечтательно скатились к переносице и нежно посмотрели друг на друга. Освободившись от дружеских объятий, я отодвинулся. Мужик потерял опору и упал с лавки.

Проходящая мимо женщина шарахнулась в сторону. От нее разило презрением и еще чем-то мерзким, кажется — французскими духами. Не в силах подняться, новый приятель изобразил роденовского мыслителя.

— Вставай! Нас ждут в квартале красных фонарей!

Но ловелас успел забыть о любви, развалился около скамейки и невыразительно запел:

— Опять от меня сбежала последняя э... эта, как ее?

— Электричка! Паровоз такой, без пара! — подсказал я.

— Точно, паровоз... не стучите колеса...

Кое-как удерживая равновесие, я склонился над певцом.

— Слушай, акын, общественность нами недовольна!

Он удивленно посмотрел сквозь меня. В его масляных глазах отразилось небо с плывущими облаками. Мужик сел в позу лотоса и сосредоточил взгляд на бордюре. Казалось, что он медитирует.

— Почему так долго нет автобуса?

— Цыгане угнали! — ответил я и зашел в кусты.

Прижатый атмосферным давлением, он снова лег. Старикашка, торопившийся на тот свет, вдруг остановился и отстучал вставными кастаньетами:

— стыдоба! Устроили в центре города лежбище тюленей! Сейчас милицию вызову!

— Не шуми, дед! Мы исчезнем незаметно, по-английски!

— Я легонько пнул собутыльника. — На нас объявили охоту!

Он тут же среагировал и приподнялся на локте.

— Веди меня, мой талисман!

Я помог ему встать. Качаясь, мы направились к выходу. Такого сильного земного притяжения не приходилось испытывать давно. Сделав пару шагов, мы приняли горизонтальное положение.

— Всею виной вспышки на Солнце! Очень на здоровье влияют! — констатировал новый знакомый, погружаясь в дрему.

Послышался шум двигателя. Мне мерещилось, будто при-

летел волшебник в голубом вертолете. Как же я ошибся!

— Господа, карета подана! Располагайтесь удобнее!

— Все господа в Париже, мы — трудовая интеллигенция!
— уточнил я, стараясь самостоятельно загрузиться в автомобиль.

С казенной постели я сбивчиво объяснял невменяемым соседям о причине бед, выпавших на долю отечества. Меня никто не слушал. Незаметно патриотические чувства усыпили разум.

— С виду нормальный парень. Никогда бы не подумал, что алкаш! — Майор Пырьев заполнил бланк и протянул его мне. — Заплатите штраф и, пожалуйста, не появляйтесь на улице в таком виде. Не подавайте дурной пример подрастающему поколению.

Я покинул вытрезвитель, прислушавшись к дельному совету. Кудрявые тополя заговорщицки шелестели листвою: «Успеешь еще оплатить, один черт денег нет. Иди к Иришке, она же обожает тебя!» С природой не поспоришь, и я пошел туда, куда деревья нашептали.

Ира, верстальщица нашей газеты, встретила меня визгом. Такая искренняя радость — редкость в наше время. Захотелось обмыть встречу. Я принял ванну и предложил ей сбегать в ларек.

— Одеваться неохота! Лучше Наташке звякну. У нее такой спонсор появился! Притащит все по первому свистку. — Поджав коленки, она потянулась к телефону.

Иришкина подруга выглядела эффектно, но в постели была никудышная. Мужики, обескураженные несоответствием внешности

и любовных способностей, долго с ней не дружили. Как переходящее красное знамя, она переходила из рук в руки. Чтобы ожидание не было скучным, я стал ублажать Иришку. Моего здоровья хватило минут на пять. Потом мы смотрели телевизор.

Дверь без стука распахнулась. На пороге возник Наташкин абрис. За ним, прикрываясь огромным букетом роз, шаркивался гарант хорошего настроения.

— Привет, Саня! Некрологи сочиняешь? — Наташка чмокнула меня в щеку. — Знакомьтесь!

В комнату шагнул майор Пырьев. Увидев меня, он скривился, как от зубной боли. Я тоже не ударил в грязь лицом и изобразил умирающего лебедя. Девчонки сустились вокруг стола, не обращая на нас внимание.

— Познакомились? Ну, вот и славно! — Иришка прижалась ко мне. — Товарищ Пырьев, Сашка классный, с ним не соскучишься!

— Я догадываюсь! — Он поперхнулся.

С каждой выпитой рюмкой обстановка раскрепощалась. Подружки щебетали о своем, ну, а мы с гражданином начальником выползли на лоджию. Неловкость еще присутствовала в наших отношениях. Желая разрядить обстановку, я спросил у Пырьева первое, что взбрело в голову:

— Вы женаты?

Он окинул меня рассеянным взглядом и закурил.

— Однажды у приятеля я познакомился с одной особой.

— Пырьев руками очертил два огромных бугра перед грудью. — Вознамерился даже жениться, так она мне приглянулась. Но барышня оказалась замужем, а мне было невтерпеж. На скорую руку мы слились в одно целое, после чего она решила порвать узы изжившего себя брака и новыми путями соединиться со мной. Пришли мы к ней домой и стали обмывать создание новой ячейки общества. А потом стали детей клепать, освобождаться от налога на бездетность — был такой раньше. В самый разгар трудового процесса приходит ее муж. Раззявил рот, как дурачок деревенский, и не знает, что делать. Совести нет совершенно — стоит и смотрит. Потом завертелся волчком: «Вы надолго?» — спрашивает. Отвечаю: «Наверное, навсегда!» Он расстроился и убежал. Утром я прозрел и решил официально никогда не жениться. А зачем? Чтобы однажды прийти домой и спросить: «Вы надолго?» Не веришь? Зуб даю! — выразился майор, как прожженный уголовник.

Не верить такому человеку было глупо, более того, я проникся к нему симпатией.

Мы вернулись к столу.

— В баньку бы махнуть! — Пырьев мечтательно вздохнул. Иришка вопрошающе посмотрела на меня.

— Сань, можешь организовать мероприятие?

Разве я мог ей отказать? Ради меня она была способна прыгнуть на амбразуру, привечала в любое время дня и но-

чи, старалась выветрить из моей памяти ядовитый фантом Лауры.

— Отчего же нельзя?! Только машину надо.

Пырьев вызвал служебную «Волгу», и мы поколесили к бывшей Колиной жене. Расставшись с Клячиным, она жила в свое удовольствие: ковырялась в земле и разводила на продажу цветочки. Проблем с баней не возникло, Света отличалась радушным гостеприимством.

Начальник вытрезвителя выныривал из парной, загружал обезвоженный организм пивом и превращался в мелкого хулигана. Когда пенный напиток шибанул в голову, Пырьев забрался в соседский огород. Сначала он не обращал внимания на визг хозяев. Но в итоге, раздраженный их поведением, пообещал всех перестрелять.

Пистолета при нем не оказалось. Тогда он закидал их собранными огурцами, после чего вернулся к нам, схватил гармошку и наиграл мелодии подворотен. У калитки остановился наряд милиции, вызванный пострадавшими. Стражи порядка отдали честь распоясавшемуся майору и сделали соседям устное внушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.